

МАКСИМ ОБЛОМОВ

18+

ЭНТРОПИЯ.

ЗЕРНО ЗЛА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Обломов
Энтропия. Зерно зла

«Автор»

2026

Обломов М.

Энтропия. Зерно зла / М. Обломов — «Автор», 2026

«Зерно» появилось в груди Элиота, когда ему было шесть. С тех пор живопись — единственная магия, которую ему позволено творить. Настоящая магия под запретом: одно неверное движение — и зерно проснётся, убивая всех вокруг. Но когда в столицу привозят Лукаса Самберса — того, кто заложил это зерно, — запреты теряют смысл. Встреча с врагом запускает цепь событий, которые разрушают дом Эвереттов до основания. Теперь Элиоту предстоит из пепла собрать себя заново и понять, кем он был всё это время: жертвой, сосудом — или чем-то большим?

© Обломов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Проснись и пой!	5
Глава 2. Бедствие в цепях.	11
Глава 3. Взгляд, что будит бездну.	18
Глава 4. Воссоединение.	23
Глава 5. Пусть все горит!	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Максим Обломов

Энтропия. Зерно зла

Глава 1. Проснись и пой!

— Просыпайтесь, мистер Эверетт. Сегодня у вас важный день! — распахнув окна, прокричала Мария, моя служанка, которая никогда не жалела мои сонные, привыкшие к ночной тьме, глаза и слух, который так сладостно мечтал остаться в тишине сонной спальни.

Мария имела пышную фигуру, от чего все её движения были неуклюжими, как у человека, который привык к тесноте и боится задеть угол, но наполнены уверенностью ветерана.

— Мистер Элиот, время уже почти полдень, # голос Марии был наполнен раздражительностью вперемешку с материнской заботливостью, # Ваш дед, да хранят Стихии его душу, всегда вставал на рассвете. И каким человеком он стал!

Мария вот уже почти пятьдесят лет служит нашей семье. Наняла ее мой покойный прадедушка, тогда Мария начинала обычной горничной. Ещё до моего рождения Мария дослужилась стать домоправительницей. Но она сама вызвалась стать моей личной служанкой после страшных событий пятнадцатилетней давности, хотя её положение в доме позволяло ей выбирать любую работу. Я мало помню о случившемся, в основном только с рассказов матушки и Марии. Однако, и они не особо были падкими на детали. Знаю только, что меня похитили и требовали у семьи большой выкуп. А спас меня тогда отец и пара его близких друзей. Отец же даже не желал смотреть в мою сторону, когда речь заходила о том дне.

— Мистер Эверетт, завтрак на столе, а ваша матушка ждёт вас в гостиной. Поторопитесь, у неё через час встреча в посольстве, поэтому долго она ждать вас не сможет.

Я с трудом открыл свои глаза и солнце, висевшее в зените, жестоко дало понять, что оно не очень-то радо меня видеть. В целом, в этом наши мысли сходились. Я всегда считал себя жителем ночи. Недаром же все моё настроение и вдохновение посещало меня уже после сокрытия солнца за Эреборскими вершинами, что защищали столицу Солстейн на Западе.

— Спасибо, Мария, надеюсь в завтраке только овощи? Ты же знаешь, что Грегори всегда передерживает бекон.

— Не будьте так строги к нему, — закончив утренние приготовления спальни, ошетинилась Мария — вы же знаете, что Грегори несподручно готовить завтрак на всю семью, учитывая его положение.

Мария была единственная в этом доме, кто могла открыто выражать свое недовольство мной. Иногда, даже в очень грубой форме.

Когда мне было лет тринадцать, я забрался под крону семейного дуба, который почти семьдесят лет назад посадил мой дед со своим отцом посреди сада во внутреннем дворе нашего поместья. Отец говорил, что в этот дуб прадед заложил мощные чары защиты, которые оберегают не только поместье, но и каждого члена семьи, чьи имена выжигаются на стеблях дуба при рождении нового ребёнка. От сакральной ценности и, как я предполагаю, невероятного суеверия и ограниченности представлений о том как работает магия к дубу подпускались только специально обученные заклинатели в сопровождении главы семьи. И всегда только ради того, чтобы выжечь на ветви новое имя. Его никто никогда не поливал и даже в сильный зной, бурю или зимний холод он всегда стоит зелёный и полный жизни.

В день, когда я пробрался к нему, как раз родилась моя младшая сестра — Блэр, и это был отличный шанс незаметно проскользнуть мимо толпы родственников различной дальности и забраться на дерево с непросматриваемой задней стороны. Казалось, мой план был продуман

до мелочей. Но, как оказалось, заклинателям приспичило выжечь имя Блэр именно на той ветке, на которой я решил затаиться, пока процессия не закончится.

Взгляд отца в тот момент до сих пор снится мне в кошмарах. Он ничего не делал, просто стоял на изумрудном газоне подле дуба и испепелял меня взглядом, пока все вокруг притихли, а заклинатели силой стаскивали меня с ветки. Именно в тот момент, когда мои ноги коснулись газона на меня с дикими криками и трехэтажным матом налетела Мария и на глазах всей моей семьи за уши оттащила внутрь дома. Уши потом были красными целую неделю. Однако, отец даже спустя месяц ничего мне не сказал.

— Под «его положением» ты имеешь в виду то, что у него только половина руки и та левая? — с легкой ухмылкой съязвил я, приподнимаясь на кровати и принимая полулежащее положение. Укорительный взгляд Марии, присевшей на край кровати, не заставил себя долго ждать.

— Не смешно, Элиот Эверетт, я всегда вас учила быть милосердным к страждущим! — характерным полукриком отчеканила служанка, выдержав ее строгий взгляд ореховых глаз, я вздохнул.

— Впрочем, никому бы из нас не помешали курсы повара в нашем университете — Мария смягчилась в улыбке и слегка потрепала мои непослушные каштановые кудри, — Ну, как? Готовы к сегодняшней выставке?

— Определённо! — с воодушевлением ответил я, садясь в постели. Мария, крикнув, водрузила поднос мне на колени. Я глянул в тарелку и почувствовал, как внутри разливается тепло уверенности.

— Овощная нарезка, — констатировал я.

— Грегори сегодня с утра был в духе, — хмыкнула Мария, поправляя салфетку. — Говорит, левая культя почти не болела. Даже напевал что-то из старого полкового марша, пока крошил перец.

— Значит, день сложится как надо, — я взял стручок фасоли и с наслаждением захрустел. — Если бывший кок отцовского батальона танцует с ножом, ничего плохого случиться просто не может.

Мария покачала головой, и в её ореховых глазах мелькнула тревога — та, что, наверное, навсегда поселилась в ней после моего похищения. Но спорить она не стала.

— Я искренне рада за вас, мистер Эверетт, все это время я молилась за ваш успех.

Набожность Марии часто донимала меня. Но в этом не было чего-то необычного. Старшее поколение почти все было повёрнутыми головой на религии. Им ещё в детстве привили страх и трепет перед богами, которые уже несколько сотен лет молчат и никак не показывают своё присутствие...

Наши родители ещё могут оказывать честь и уважение старым богам, и то только из уважения к собственным родителям. Мы же, их дети, по большей части отрицали существование богов, может когда-то они и внушали страх в человечество, но явно ушли давным-давно, либо погибли, если таковое вообще возможно.

— Твоё, конечно, право, Мария, но ты знаешь, что божественное вмешательство тут не при чем. Я добился всего этого сам собственным трудом, — жадно жуя перец и огурец, я жёстко посмотрел в её глаза.

Мария открыла рот, но промолчала. Её ореховые глаза задержались на мне дольше обычного — в них проглянуло что-то древнее и печальное, как в глазах человека, который когда-то на личном опыте убедился: да, божественное вмешательство тут ни при чём.

— Хорошо, мистер Эверетт, — голос её вдруг стал шершавым, как наждак, — Будь по-вашему. Но я всё равно буду молиться. Просто за вас.

И покинула комнату, прежде чем я успел ответить.

Закончив с завтраком, я поднялся, разминая затёкшие ноги с постели и отправился в гардеробную. Проторчав там около получаса, я с сокрушительным вздохом признал очевидное: ни один из моих костюмов, фраков, мундиров и даже новомодных рубах с завышенным воротом не годился для сегодняшнего вечера. Точнее, они годились для чего угодно — для званого ужина, для визита в коллегую, даже для романтической прогулки, — но не для того, чтобы представить миру пятнадцать картин, в которые я вложил четыре месяца жизни. Поэтому я натянул первое, что не вызывало желания немедленно переодеться, и решил: перед выставкой загляну к семейной белошвейке. У неё передо мной должок.

Я уже собирался выходить, когда по привычке остановился у зеркала, занимавшего всю боковую стену гардеробной. Этому ритуалу меня в детстве научила Мария: каждое утро она подводила меня к отражению, клала ладони на плечи и говорила: «Смотрите, мистер Эверетт. Этот мальчик сегодня справится. Скажите ему это вслух». Я тогда стеснялся, но повторял. Сейчас я уже не заговаривал с собственным отражением, но привычка задерживаться у зеркала осталась. Честно говоря, теперь она была не столько о пожеланиях на день, сколько о простом человеческом тщеславии.

Я прислонился плечом к раме и оглядел себя. Рост почти метр восемьдесят — за это спасибо отцовской крови, матушка у нас куда изящнее. Сложением я не вышел в грудку мышц, а ушёл в жилистость, как молодой пёс, которого уже вытянули, но ещё не нарастили по-настоящему. От отца мне досталось округлое лицо — честное слово, если бы не матушкины черты, я был бы похож на деревенского пекаря, который любит свой хлеб чуть больше, чем нужно. Но матушка расстаралась: от неё мне перепали аккуратный нос и пухлые губы. На её лице это смотрелось аристократично и строго — портрет женщины, которая знает, как управлять столицей. На моём же, как я подозревал, это придавало мне слегка капризное выражение. Я предпочёл бы отцовскую тяжёлую челюсть — она, по крайней мере, не делала бы меня похожим на юношу, который вот-вот обидится на недостаточно изысканный десерт.

Глаза — вот чем я мог гордиться без оговорок. Цвета чёрного неба, как сказала когда-то одна из моих университетских приятельниц. Романтично, конечно, но я запомнил. Густые каштановые брови, непослушные кудри, которые Мария каждое утро безуспешно пыталась умирить щёткой, — в целом я был вполне ничего. Привлекателен. Даже красив, если не ставить меня рядом с Сеттом.

Вот Сетт — это действительно икона. Он грудка мышц, будто скульптор получил заказ на статую бога войны и слегка перевыполнил план. Идеально выточенный рельеф, волевой подбородок, скулы, которыми можно резать бумагу, пепельно-серые глаза и волосы цвета свежего дёгтя. Каждая вторая девушка в университете готова была бросить ему на шею шарф и себя в придачу. А он, гад такой, не пользовался этим — ему было куда интереснее тренироваться с мечом и записываться в клуб политических дебатов, искренне полагая, что там будут битвы. В чём-то я ему завидовал. В чём-то — утешался тем, что моя красота располагается чуть выше шеи.

Закончив этот осмотр, я по привычке задержал взгляд на единственном изъяне моего тела, который не мог скрыть никакой портной. Уродливый бугорок грязно-коричневого цвета, размером с зерно, застыл аккурат посередине между левой ключицей и сердцем. Вокруг него расходились едва заметные вены и капилляры, похожие на корни сорняка, который не выкорчевать. Физически он меня не беспокоил. Но каждое утро я смотрел на него и думал: что-то здесь не так.

Отец рассказал мне эту историю, когда мне было восемь. На моё шестилетие меня выкрал из поместья повстанец Лукас Эмберс. И провёл надо мной жуткий ритуал заражения. Он боялся, что я могу стать в будущем магом более могущественный, чем мой отец. И потому это зерно было неким сдерживающим фактором. Я спросил, почему я не могу учиться магии, как

отец. Он присел передо мной, взял за плечи и объяснил — тем же голосом, каким говорят с больными. С тех пор я знаю: любое заклинание может убить меня. Или превратить в него.

Встряхнув голову и отведя взгляд от «зерна», я натянул рубаху, застёгивая пуговицы на ходу, и направился из спальни вниз в гостиную, где ждала меня матушка.

В нашем доме всегда было чисто и тихо, за что мы всегда благодарим Марию. Она держала в ежовых рукавицах всех слуг и служанок, а потому каждый из них выполнял свою работу идеально. При этом даже среди подчинённых Марию не просто уважали, а любили. А потому только благодаря ей в доме всегда царил покой и уют.

Я застал матушку читающей газету в массивном мягком кресле возле панорамного окна с видом на семейный дуб. Это было её любимым местом для чтения. Она была полностью погружена в чтение текущих новостей столицы, что не заметила моего приближения.

В нашем доме существует три основных правила, которые мы все соблюдали неуклонно. Во-первых, с уважением относится ко всем обитателям поместья, будь то член семьи, слуга, зверёк или букашка попавшая с улицы в дом. Во-вторых, заключать в объятия каждого постояльца этого дома перед его уходом. В-третьих, никогда, повторюсь, НИКОГДА не отвлекать матушку от чтения утренней газеты. Отчасти, потому что должность мэра столицы предполагает постоянную включенность в проблемы жителей, которые отражает независимая газета, подписку на которую она оформила в первый же день своей инаугурации. Но в большей степени, потому что как только матушка вычитывала о проблеме, которую она давно поручила устранить своим подчиненным, но которую так и не исправили — она превращалась в самое страшное оружие в мире, готовое уничтожить все и всех, имевших смелость попасть к ней в этот момент под руку. От того в углу от этого кресла Мария уже как пару лет поставила мусорную корзину, которое каждое утро было наполнено истерзанной газетой.

Но видимо, на этот раз газета не принесла неприятных новостей, так как матушка уже читала последнюю страницу, а газета была все ещё цела. А потому я осмелился подойти чуть ближе и слегка кашлянул, чтобы привлечь её внимание.

— Элиот, дорогой, доброе утро! — в широкой улыбке произнесла матушка и, отложив газету, встала чтобы крепко обнять, — Как спалось? Наверное, полночи не мог уснуть в ожидании сегодняшней выставки?

Она не знала, что сегодняшнюю ночь я провёл в университетском баре изрядно поддаваясь алкоголизму в компании Сетта.

— Все хорошо, матушка, спал крепко и, да, я взбудоражен, взволнован, но полностью уверен в сегодняшнем успехе. Мария сказала, что ты меня ждёшь, что-то случилось?

— Не волнуйся, я просто хотела увидеть тебя перед тем как отправлюсь в мэрию и пожелать удачи сегодня на выставке, — матушка взяла меня за плечи и слегка задрала голову, вгляделась в меня своими чёрными глазами.

— Подожди, хочешь сказать, что ты не сможешь прийти на её открытие? — понурился взгляд и опустив плечи я вгляделся в её глаза в ответ

— Я не уверена, сегодня в столицу перевозят Лукаса Самберса, а потому вся столичная полиция, армия, гвардия магов и мэрия стоит на ушах, чтобы обеспечить ему тут невозможные для побега условия. И в центре всего этого безумия — я, — с определенным раздражением на лице, но полным восхищением в голосе матушка отпустила мои плечи и присела обратно в кресло.

От имени, произнесённого матушкой меня бросило в холодный пот. Тот самый Лукас Самберс, что похитил меня пятнадцать лет назад и... и... дал мне зерно на моей груди?

В любом случае, чтобы не говорила матушка, она всегда любила находится в центре бури. Она буквально наслаждалась хаосом, который поднимался вокруг неё и она могла его привести в порядок. До становления мэром матушка всегда стремилась влезть в чужие конфликты, которые часто были небезопасны для жизни и здоровья, чтобы поскорее их окончить.

Как-то раз по молодости она разняла пьяный дебош в баре на окраине страны, выйдя из него без единого синяка или царапины, лишь с слегка потрепанной причёской. Она справлялась с конфликтами так профессионально, что в том баре до сих пор ей наливают эль бесплатно.

Присев напротив матушки в соседнее кресло я услышал твёрдые уверенные шаги, что машинально вызвало рефлекс встать обратно.

— Гвэндолин, нам пора, мне ещё нужно успеть заглянуть в коллегиию и раздать итоговые приказы по эскорту Лукаса. Ты готова?

Сзади стремительным шагом подошёл отец в полном военном облачении гвардии магов. Отец никогда не любил эту форму, считал, что она сковывает его движения и плохо пропускают магию сквозь себя, а потому надевал её только в исключительных случаях. Даже всю последнюю войну с Криольцами он прошёл в боевой рубахе и штанах шароварах, от чего на его теле было множество боевых ранений.

То что сегодня на перевозку этого Лукаса Самберса отец был в полном облачении навевало на меня ужас. Кто же это Лукас на самом деле, раз даже отец, герой трёх войн, глава коллегии магов, верховный маг огня был вынужден одеть эту форму.

— Да, милый, я готова. Просто хотела поговорить с Элиотом перед уходом — и она многозначительно перевела взгляд с отца на меня.

Мы с отцом не настолько близки, как с матушкой, но я бесконечно уважаю его. Возможно, даже побаиваюсь. Отец строгий, но он никогда меня не наказывал, однако, и чувств своих особо не проявлял.

Самым ярким моментом проявления его чувств для меня был его День Рождения десять лет назад. Тогда я только увлёкся рисованием и мы с Марией сделали ему поздравительную открытку с его портретом, который я с широкой улыбкой подарил отцу на банкете. Тогда он просто поблагодарил меня и пожал плечо.

Заметив многозначительный взгляд матери, отец перевел взгляд на меня и будто впечатал меня им в неведимую стену. В его голубых глазах я не видел будто выложенная из льда крепость дала трещину, и теперь из неё вдруг стал сочиться пар. Нет, сегодня его глаза были наполнены яростью и тревогой вперемешку, отчего на моем лбу выскочил пот.

— Сын, желаю тебе удачи сегодня с выставкой, — сухо сказал отец и перевел взгляд обратно на матушку, — Идем. — и, развернувшись на каблуках его сапог, отец сделал шаг в сторону выхода.

— Сайлас Эверетт, — громко и строго сказала матушка, так она звала отца только когда была на грани ярости. От этого отец замер как ледышка. Я всегда знал, что единственное, чего боится отец в этом мире — это его жена, — Ты же знаешь правила.

Отец шагнул ко мне, сжал в неловком, но крепком объятии. Его ладонь осторожно легла мне на спину — как всегда, подальше от левой стороны. Я услышал его тихий, сдавленный выдох.

— Удачи с выставкой, сын.

Это прозвучало не как пожелание, а как мольба. Матушка кашлянула, он распрямился, развернулся на каблуках и вышел, оставив за собой запах нагретой ткани — единственный признак того, что магия огня только что была готова вырваться наружу.

— Итак, мы с отцом очень постараемся успеть к тебе на выставку, но обещать мы этого точно не сможем. — мэрским строгим голосом проговорила матушка, но после улыбнулась и приблизилась ко мне — Но даже если мы не успеем, тогда ты завтра проведёшь для нас специальную личную экскурсию. Ты же держал все свои картины в тайне ото всех, а потому я мечтаю их увидеть. Как и твой отец, хоть и сказать об этом ему не хватает чуткости, — изогнув бровь матушка обняла меня.

— Я слегка переживаю, этот Лукас Самберс действительно такой опасный, раз вокруг столько шума и даже отец оделся в полное боевое облачение?

— И да и нет, когда-то он был опасным, но сейчас мы его поймали и отрезали от источника силы, поэтому он больше не может представлять угрозы. А потому переживать тебе не о чем. Особенно сейчас # он не сможет тебе навредить. Все это лишь подстраховка и демонстрация силы и нашей уверенности всем радикалам, которые поддерживают Лукаса. И не более.

Матушка отпустила меня и уверенным шагом отправилась вслед за отцом в сторону выхода, оставив меня в смешанных чувствах.

С одной стороны, со слов матушки переживать действительно не о чем. Маг отрезанный от источника более не может применять заклинания, а способа восстановления связи нашему миру не известен. Но с другой стороны, поведение отца и тревога в его глазах означало, что он не разделяет оптимизма матушки в отношении Лукаса.

Я слегка потряс головой и откинул все страшные мысли в сторону. Ведь самая главная моя забота на сегодня — выставка и мой неизбежный триумф. А потому надо скорее идти готовиться. Ничто не испортит этот вечер.

Глава 2. Бедствие в цепях.

В Солстейне погода всегда была не предсказуема. Погода за окном с утра могла радовать свои тёплым солнцем и приятным лёгким ветерком, а к вечеру могла подняться страшная снежная буря, которая за ночь укроет сугробами все дороги.

Виной этому была башня коллегии магов. Отец всегда говорил, что любое заклятие, какое бы оно не было сильным или мощным требовало не только своей цены, но и имело свои недостатки. Он называет их «слабыми точками». И поэтому по мнению моего отца сила мага заключается не в том сколько магии он способен впитать в себя для сотворения заклинания, а то как он быстро анализирует ситуацию и находит эти самые «слабые точки».

Именно стремительная смена температуры и погодных условий были этой «слабой точкой» защитных чар столицы. Горожане уже привыкли к этим сменам, как никак # человек приспособляется ко всему, и поэтому у любого здравомыслящего жителя с собой всегда был комплект сменой одежды, а по городу матушка установила множество «отопрочных» и «охлаждающих» станций.

Сегодня погода радовала слегка облачным небом и высоким столбом на ртутном термометре. А потому, сложив свой запасной комплект одежды в сумку, я вышел из дома.

Мне всегда нравилось сидеть на изумрудном газоне двора нашего поместья. В детстве я мог часами валяться на нем и рисовать различные сюжеты. Часто это было и под проливным дождём. Мария часто мне напоминает мне те дни, когда после очередных прогулок под дождём она отогревала меня в тёплых ваннах и отпаивала отваром громобоя, чтобы не дать болезни вылезти наружу. Вкус был отвратительный.

#Эля, # раздался слева от террасы приближающийся детский голосок # смотри, я поймала бабочку!

Из-под террасы выглянула белокурая девочка с иссяня-голубыми глазами. Блэр всегда была больше похожа на отца, и отец, как бы гордясь этим, позволял Блэр многое, что мне в её возрасте было недоступно. Ложится на час позже, есть сладкое до приёма обеда. Но сложно было бы завидовать или злиться на неё, когда она смотрит на меня своими чистым и невинным взглядом. Ставлю сотню серебряных, что она это знает и пользуется этим.

#Смотри, у этой бабочки крылья под цвет твоих глаз, # она протянула в своей ладони чёрную бабочку с маленькими синими крапинками.

Я присел на корточки, чтобы быть с ней вровень. Бабочка сидела смирно, будто и не собиралась улетать. Блэр смотрела на неё с таким благоговением, словно держала в руках не насекомое, а по меньшей мере редкий артефакт из отцовского кабинета.

— И правда, — я осторожно дотронулся её ладошки кончиком пальца, боясь надавить. Бабочка дёрнула крыльями и переползла на мой палец. — Значит, твои — как небо, а мои — как её крылья. Выходит, мы оба с этой бабочкой родственники?

Блэр прыснула, тут же зажав рот ладонью, она всегда так делала, когда мне удавалось её рассмешить. У неё был смех, похожий на колокольчик, — слишком звонкий для этого дома, где все говорили вполголоса.

— Глупый ты, Эля. Бабочки не бывают чьими-то братьями.

— Это ещё почему?

— Потому что они бабочки! Ну ты и глупый, Эля, # Блэр слегка прыснула и перевела свой пристальный взгляд на бабочку в своей руке, # Мне немного жаль их...

Почему же? # я вскинул бровь.

Потому что они живут всего один день. Мария сказала, у них век короткий. Хорошо, что ты не бабочка, Эля, брат — он навсегда.

Она сказала это так просто, без всякой заученной нежности, что у меня на секунду перехватило горло. Я прокашлялся и легонько щёлкнул её по носу.

— Навсегда — это долго. Боюсь, ты устанешь от меня раньше.

— Не устану, — она мотнула головой и вдруг, без предупреждения, обхватила мою шею обеими руками, прижавшись щекой к плечу. Бабочка, испуганная её резким движением, спорхнула с моего пальца и унеслась к дубу. Блэр этого даже не заметила. — Ты сегодня вернёшься? Мария говорит, у тебя важный вечер. А ещё она говорит, что важные вечера иногда заканчиваются поздно. И что маленьким девочкам на них нельзя.

— Мария, как всегда, исключительно точна в формулировках, — я аккуратно разжал её руки и поднялся. — Да, я вернусь. Возможно, поздно. Но ты к тому времени уже будешь спать и видеть десятый сон.

— А можно я не буду спать? Я подожду.

— Нельзя.

— Почему?

Я вздохнул и присел перед ней на корточки, заглянул в эти иссяня-голубые глаза — отцовские глаза, только без его вечной тяжести.

— Потому что если ты не выспишься из-за меня, Мария завтра будет ходить злее грозовой тучи. И достанется не тебе, а мне. Ты же не хочешь, чтобы твой любимый брат страдал?

Блэр задумалась. Видимо, перспектива моих страданий её не сильно тронула, потому что она хитро прищурилась:

— А ты возьми меня с собой. Тогда я сразу усну — от скуки. Ты же сам говорил, что на взрослых вечерах все говорят скучные слова.

— Говорил, — согласился я. — Но тебя всё равно не возьмут.

— Это ещё почему?

— Потому что ты слишком громкая. Вспугнёшь всех важных гостей.

— Я тихая!

— Ты? Тихая? Вчера ты так «тихо» играла в коридоре, что у отца в кабинете чернильница опрокинулась.

Блэр прыснула, прикрыв рот ладошкой по собственной привычке.

— Это случайно вышло.

— У тебя всё «случайно». Ладно, — я поднялся с корточек и легонько подтолкнул её к террасе. — Беги к Марии. Я вернусь — расскажу тебе всё в подробностях. Обещаю.

— Даже скучные слова?

— Даже их. Выучу специально для тебя парочку.

Она заулыбалась и, уже не дожидаясь моего ухода, побежала к дому. На полпути обернулась, крикнула: «Эля, не опаздывай!» — и исчезла внутри.

Тяжёлые ворота поместья дрогнули, и во двор шагнул Сетт. Без доспеха, в простой рубаше с закатанными до локтей рукавами, он выглядел так, будто собирался не на выставку, а как минимум на строевой смотр. Завидев меня, он прибавил шаг и громогласно объявил:

— Элиот! Я ждал тебя у «Трёх холстов», как договаривались. Ты вообще собираешься на собственную выставку или решил, что картины сами себя покажут?

— Ждал? — я нахмурился, а потом вспомнил. Мы действительно договаривались встретиться у галереи. Час назад это казалось логичным. — Прости, Сетт. План поменялся.

— Поменялся? — он замер в паре шагов от меня и скрестил руки на груди. В такой позе он становился похож на башню, которая вдруг решила, что ей нужно поговорить. — И куда же мы идём вместо твоего триумфа?

— К белошвейке, — сказал я как можно небрежнее.

Сетт моргнул.

— К белошвейке? Зачем?

— Потому что ни один мой костюм не способен вместить величие сегодняшнего вечера.

— Ты серьёзно? — он оглядел меня с ног до головы, и в его пепельно-серых глазах мелькнуло что-то среднее между весельем и ужасом. — Элиот, у тебя гардеробная размером с мою спальню. Что значит «ни один не способен»?

— Это значит, что они недостаточно хороши, — я пожал плечами. — Это искусство, Сетт. Ты не поймёшь.

— Я понимаю только одно: твоя выставка через несколько часов, а мы, какого-то хрена, куда-то сворачиваем ради нового костюма. Ты вообще предупредил белошвейку, что мы едем?

— Нет. Но она задолжала мне услугу, когда я помог ей с подарком для Кэт на прошлый День Рождения, # проведя рукой по свои кудрям я поправился с Сеттом.

— Потрясающе, — он провёл ладонью по лицу, но я заметил, что угол его губ подёргивается — он скорее забавлялся, чем злился. Сетт редко на меня злился по-настоящему. — Значит, мы врываемся к женщине в день, когда она явно не ждёт гостей, и требуем, чтобы она сотворила чудо. Я правильно понимаю наш план?

— Абсолютно.

— Прекрасно. С вами никогда не скучно, мистер Эверетт, # с лёгкой издёвкой в голосе улыбнулся Сетт.

Он развернулся к воротам и бросил через плечо:

— Чего стоишь? Два часа — это не вечность. И учти: если она выставит нас за дверь, я скажу, что ты меня похитил и удерживал силой.

— Ты вешишь как два меня. Кто поверит?

— Никто. В этом и трагедия.

Я рассмеялся и, догнав его, хлопнул по плечу. Мы вышли за ворота и направились в сторону торгового квартала. На душе стало чуть легче: Сетт не злился, план обретал очертания, а погода пока что благоволила.

Торговый квартал каждый день умудрялся вмещать в себя людей больше, чем его улицы способны были вместить. Если сравнивать Солстейн с организмом # торговый квартал был бы точно сердцем.

Бесконечные потоки людей переходящих от лавки к лавке выглядели как бурная река, способная снести любого остановившегося зеваку. Матушка давно пытается придумать способ расширить квартал, но пока всю эту толпу регулируют стражники, стоящие на ключевых точках квартала и разводящие в ровные потоки людей.

Мастерская белошвейки находилась в конце этого квартала, ближе к центру города. Мы с Сеттом стремительно и уверенно влились в центр потока, ведущего к мастерской.

#Как вчера у вас с Кэт прошёл экзамен? #я слегка толкнул Сетта своим плечом и протиснулся мимо толпы покупателей у лавки с бижутерией.

#Вроде бы неплохо. Я сдал нормативы лучше всех остальных кадетов, #Сетт смотрел вперёд перед собой и будто слегка смутился от моего вопроса.

А что насчёт письменного задания?

Ну... как бы это сказать... вот ты знал, что стрела не может все время лететь прямо?

Мне уже не нравится твой вопрос, но, допустим, да, знал. Иначе бы все стрелы выпущенные мимо цели возвращались бы стрелку прямо в спину, #я скривился в лёгкой усмешке и подмигнул ему.

#Тогда понятно почему Кэт смеялась всю дорогу домой, когда я ей рассказал как решил восьмую задачу, пока мы возвращались с экзамена, #так же с усмешкой сказал Сетт и неловко почесал затылок.

А как у Кэт? # спросил я будто случайно, будто меня совсем не волновала дела... подруги.

Вот сам у неё и спросишь, # взгляд Сетта задержался где-то вдалеке и в глазах у него блеснуло что-то хитрое.

Я проследил за его взглядом и увидел возле входа в лавку белошвейки стоит девушка с дымно-чёрными волосами, которые нежно потрёпывал ветер. Она стояла, уперевшись спиной на стену мастерской и разглядывала прохожих.

Почему-то каждый раз, когда я её вижу моё сердце пускается в галоп.

Это ты позвал её с нами? # остановившись на месте, спросил я у Сетта. Я всегда рад видеть Кэт, но стремление Сетта каждый раз устраивать нам «случайные встречи» меня слегка бесили.

На этот раз я тут не при чём. Но даже если бы и был то что? Ударить меня? # Сетт прыснул и пошёл в сторону Кэт.

Я не дурак ломать свою рабочую руку об твою челюсть, # фыркнул я и пошёл вслед за Сеттом.

Кэт заметила нас раньше, чем мы подошли. Она скрестила руки на груди и окинула нас таким взглядом, будто мы опоздали на час, а не на пять минут.

— Элиот. Сетт. Я уже решила, что вы заблудились в собственном поместье.

— Я бы не заблудился, — Сетт приложил ладонь к груди в притворном возмущении, — а вот кое-кто решил, что его гардеробная недостаточно хороша для сегодняшнего вечера.

Кэт перевела взгляд на меня, и в её глазах заплясали весёлые искорки — такие, какие появлялись у неё всякий раз, когда она собиралась выдать что-нибудь колкое.

— Хочешь сказать, мы идём не в галерею, а за новым костюмом? За два часа до выставки?

— Таков план, — подтвердил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Рядом с ней он всегда норовил сорваться то в писк, то в бас.

— Что ж, — она хлопнула в ладоши и повернулась к двери мастерской, — тогда не стойте столбами. Мама как раз справилась с утренними заказами, так что, считайте, вам повезло.

— Нам везёт уже потому, что ты здесь, — брякнул я и тут же пожалел об этом, поэтому решил быстро сменить тему, # а как ты вообще тут оказалась? Мы решили идти сюда минут десять назад

Кэт обернулась через плечо и на мгновение задержала на мне взгляд. Уголок её губ дрогнул — то ли усмешка, то ли что-то ещё.

— Я открыла в себе новый талант — предсказание.

Я демонстративно ахнул и прижал ладонь к груди.

— Невероятно. Ты войдёшь в историю как первая предсказательница, узревшая великое событие — двух идиотов, идущих за костюмом.

Кэт прыснула. Сетт за моей спиной хмыкнул. Маска слетела мгновенно.

— Ладно, мама сказала, что вы заявитесь. Элиот вечно всё откладывает на последний момент.

— И всё равно ты нас ждала, — заметил я.

— Ждала. Но не вас. А интересного зрелища.

Сетт за моей спиной издал едва слышный смешок. Я мысленно пообещал себе когда-нибудь всё-таки стукнуть его по челюсти.левой рукой, чтобы не жалко.

Мастерская белошвейки пахла нагретой тканью, сушёной лавандой и чем-то острым — кажется, швейным маслом, которым смазывали машинки. Вдоль стен громоздились рулоны материи всех возможных оттенков: от густо-чёрного до кремового, от багряного до того неуловимого сине-серого, какой бывает у неба перед грозой. Манекены стояли, точно безмолвные гости, и с каждого свисали то готовые, то едва начатые наряды.

Белошвейка — госпожа Линна, мать Кэт — вышла к нам из-за стойки. Это была женщина с острым, как лезвие, лицом и руками, которые никогда не знали покоя. Она двигалась

быстро, говорила ещё быстрее, и в её присутствии любой начинал чувствовать себя слегка расхлябанным.

— Элиот Эверетт, — она оглядела меня с головы до ног, и в этом взгляде промелькнул профессиональный приговор. — Я знала, что ты придёшь. Твоя мать говорила мне, что у тебя важный вечер, а ты, насколько я помню, всегда оставляешь самое важное на последний момент.

— В этом весь я, — сознался я.

— Ладно, — она щёлкнула пальцами, указывая мне на небольшую примерочную платформу перед зеркалом. — Встань сюда. Что тебе нужно?

— Что-то... способное вместить величие момента, — произнёс я, и Кэт фыркнула.

— Величие момента? — переспросила она. — Ты случайно не репетировал эту фразу?

— Импровизация, — бросил я, поднимаясь на платформу.

Белошвейка уже доставала откуда-то с верхней полки отрез тёмно-синей ткани с серебряной нитью и прикладывала его к моему плечу. Её пальцы порхали быстро и уверенно.

— Слишком мрачно, — забраковала она и тут же выудила следующий — глубокого изумрудного оттенка, который странным образом перекликался с цветом газона у нас во дворе.

— Этот, — сказал я раньше, чем она успела спросить.

— Зелёный? — Сетт прищурился. — Ты будешь похож на дипломата.

— Он и есть дипломат, — отрезала Кэт. — Ну, почти. Художник — это тоже дипломат, просто говорит не словами, а красками.

— Вообще-то, я говорю ещё и словами, — заметил я, пока белошвейка прикладывала к моей груди изумрудный отрез, и мы оба удовлетворенно кивнули.

— Вот, — сказала она так, будто ставила точку. — Это то, что нужно. Я добавлю серебряную вышивку по вороту, и к вечеру ты будешь выглядеть как человек, который знает, что делает.

— Это будет иллюзия, — сказала Кэт, но беззлобно.

— Искусство и есть иллюзия, — парировал я.

Пока белошвейка снимала мерки, булавки и мел, разговор плавно перетёк в другое русло.

— Кэт, — Сетт прислонился к стене, скрестив руки на груди, и кивнул на улицу за окном, — твой отец, кажется, сегодня в оцеплении? Я его видел утром у казарм.

— Ага, — Кэт легонько оттолкнулась от стойки. — Подняли ни свет ни заря. Сказал, весь центр будут перекрывать.

— Из-за этого Самберса? — удивился Сетт. — Я думал, его повезут тихо, без лишней помпы.

— Как видишь, не тихо. — Кэт пожала плечами. — Мама говорит, шум подняли такой, будто он не человек, а целое природное бедствие.

— Он и есть бедствие, — спокойно ответила госпожа Линна. — Я помню его до восстания.

Она замолчала, поправляя складку на моём плече.

— Он приходил в эту мастерскую.

— Сюда? — Кэт вскинула брови.

— Да, я как-то шила ему парадный мундир. Лукас тогда был... другим. Лучшим на курсе коллегии, гордость Солстейна. А потом что-то сломалось. Война. И он переступил черту, за которую не возвращаются. Энтропист. Знаешь, что это значит?

— Что это исключительно редкий тип магии, — тихо сказал я.

— Да. И что магия эта чаще губит своего носителя, чем его врагов.

В груди отозвался глухой удар — не боль, а так, словно где-то далеко рухнула дверь, и я услышал этот звук костями. Я заставил себя не дёргаться. Но внутри поселилось глухое, необъяснимое беспокойство — я и сам не понимал, за кого именно переживаю.

— А правда, что его сила сейчас заблокирована? — спросил Сетт.

— Правда, — кивнула белошвейка. — Но страх остаётся. Люди помнят, на что он был способен до того, как его отрезали от источника. Поэтому и оцепление, и гвардия. Скорее, дань прошлому, чем настоящей угрозе.

— Как пустой доспех в углу оружейной, — кивнул Сетт. — Внутри никого, а в темноте всё равно обходишь стороной.

Кэт хмыкнула и смерила его долгим, насмешливым взглядом:

— Надо же. Кадет, который гнёт подковы и проламывает тренировочные манекены, боится пустого доспеха. Тебе, наверное, в оружейную с фонарём ходить надо.

— Это не страх. Это разумная осторожность.

— Осторожность! — фыркнула Кэт. — Маг поставит барьер — и пусть хоть десять ржавых скорлуп на тебя идут.

— А ты успеешь поставить барьер, пока ржавая скорлупа уже летит тебе в голову? — спросил Сетт. — Я просто делаю шаг.

— Успею дважды.

— Один. И то — если я споткнусь.

— Хватит, — сухой голос госпожи Линны рассёк воздух. Она стояла, опершись рукой о стойку, и смотрела на них как мать на двух неумных детей.

— Сетт, если ты не прекратишь, она тебя подожжёт. Кэт, если ты не прекратишь, он тебя уронит. Я не буду чинить ни костюм, ни переломы.

Тем временем белошвейка закончила с основными линиями и отступила на шаг, оглядывая результат. На манекене уже висело нечто среднее между сюртуком и фракком — строгий силуэт, изумрудная ткань, серебряная нить по вороту, напоминающая зимний иней.

— Шикарно, — выдохнула Кэт.

— Согласен, — коротко бросил Сетт.

— Через полчаса будет готово, — сказала госпожа Линна и, подхватив наряд, исчезла в задней комнате, где жужжала машинка.

Сетт проводил госпожу Линну взглядом, наклонился к Кэт и зашептал так, чтобы голос не долетел до задней комнаты:

— Вообще-то она сказала, что ты меня подожжёшь. Это значит — я представляю реальную угрозу.

Кэт подавила смешок и зашептала в ответ, почти не разжимая губ:

— Она сказала, что ты меня уронишь. По-твоему, это комплимент?

— Признание. Ты — огонь, я — сила. Ничья.

— Ничья, — передразнила она, скрестив руки. — Ладно. Пусть будет ничья.

— До первого реального боя.

— До него.

Они ещё перешёптывались, но я уже отключился. Слова белошвейки застряли в голове занозой. Война. Лукас Самберс перешёл черту после одной войны. После какой? Криольской? Отец прошёл три, но никогда не говорил, что они с Лукасом — маги одного поколения. Если Линна помнит его юным и подающим надежды, то отец должен был знать его куда ближе. Может быть, даже служить вместе. Может быть, они были не просто знакомы — а связаны чем-то, о чём в нашей семье молчат так же упорно, как о моём похищении. От этой мысли холодок пробежал по спине. Я не боялся Лукаса — я боялся той тишины, которой он был окружён в нашем доме. Тишина говорит громче слов.

— Элиот.

Я моргнул. Кэт смотрела на меня в упор, приподняв бровь.

— Ты опять отключился. У тебя привычка — уходить в себя посреди разговора.

— Прости. Задумался.

— О выставке? — спросил Сетт.

— О ней самой, — соврал я, но на этот раз в моём голосе, кажется, не было убедительности. Кэт заметила это — её взгляд задержался на мне чуть дольше обычного, но она ничего не сказала. Лишь кивнула на дверь в заднюю комнату:

— Костюм, наверное, уже готов. До галереи ещё идти и идти.

Я хотел ответить, но не успел — с улицы донёсся резкий окрик, за ним тяжёлый, синхронный топот множества ног. Сетт мгновенно развернулся к окну.

— Что там?

Я поднялся и подошёл к нему. Сквозь стекло было видно, как по мостовой бегут стражники, выстраиваясь в две шеренги. Торговцы торопливо сворачивали лотки. Прохожие жались к стенам. На лицах — тревога и любопытство вперемешку.

— Оцепление, — сказала Кэт, заглядывая через моё плечо. — Началось.

Шум нарастал. Уже не только топот — теперь к нему примешивались голоса, отдельные выкрики, где-то заплакал ребёнок и тут же осёкся. Толпа за спинами стражников волновалась, как вода в котле. Позвонки слиплись в ледяной ком, и я почувствовал, как они медленно сползают к копчику.

Сетт бросил взгляд сначала на меня, потом на Кэт, и в этом взгляде читалось то же, что я чувствовал сам: что-то надвигается. Что-то, чего мы ещё не видели, но уже не можем игнорировать.

— Отсюда мало что видно, — заметил я, присоединяясь к ним. — Только серые мундиры.

Кэт хмыкнула, и её лицо озарила та самая дерзкая улыбка, от которой у меня всегда пересыхало в горле.

— Крыша, — сказала она.

— Что? — переспросил Сетт.

— У мастерской есть выход на крышу. Мама иногда сушит там ткани. Поднимемся — увидим всё.

— Это законно? — спросил я.

— Какая разница?

Она уже шла к узкой лестнице в конце коридора — той, которую я никогда раньше не замечал. Сетт молча двинулся за ней. Я на секунду задержался, взглянул на дверь в заднюю комнату — костюм, кажется, уже дошивали, — и пошёл следом. Ступеньки заскрипели под ногами.

Мы поднялись по крутым ступенькам, толкнули задвижку и выбрались на покатую крышу, высланную старой черепицей. Отсюда открывался вид на всю улицу, уходящую к центральной площади. Черепица грела спину сквозь рубашку.

Внизу, насколько хватал глаз, тянулись двойные шеренги стражников. Толпа за их спинами притихла — тот особый, напряжённый шёпот, какой бывает только в ожидании опасности, даже если эту опасность везут в цепях.

— Вон, — вдруг сказала Кэт и указала куда-то вдаль.

Я прищурился. Сначала ничего не видел — только серые пятна мундиров. А потом разглядел: в начале улицы, там, где она выходила на площадь, появились первые всадники. За ними — тяжёлая повозка поверх которой была установлена большая металлическая клетка, вся в металлических полосах и защитных рунах, которые тускло светились даже при дневном свете. Колонна гвардейцев замыкала процессию.

Кортеж Лукаса Самберса начал свой путь по нашей улице.

Сетт, не отрывая взгляда от клетки, тихо проговорил:

— Ничего себе.

А я стоял и чувствовал, как «зерно» под рубашкой вдруг отозвалось слабым, но отчётливым теплом — и впервые за день мне стало по-настоящему не по себе.

Глава 3. Взгляд, что будит бездну.

Кортеж приближался.

И кажется сами защитные чары Солстейна реагировали на их прибытие. Небо над городом закрывали густые облака, а с неба начали капать первые капли дождя.

Кэт тут же сплела заклинание и над нашими головами появился едва видимый барьер, укrywший нас от надвигающейся ненастья.

Сначала я слышал только звук — мерный, тяжёлый топот десятков ног, обутих в подбитые железом сапоги. Он отдавался в груди глухим эхом, и черепица под ногами едва заметно вибрировала в такт. Потом из-за угла показались первые всадники — четверо гвардейцев в полном боевом облачении, с алыми плюмажами на шлемах. Кони шли медленно, сдерживаемые короткими поводьями, и их копыта выбивали из мостовой сухую пыль, тут же прибываемую расходящимся дождём.

За всадниками, покачиваясь на мощных рессорах, выехала повозка.

Она была тяжёлой — обитая тёмным металлом платформа на восьми колёсах, каждое из которых поворачивалось с тихим скрежетом. Но главным была не платформа. Главной была клетка.

Клетка возвышалась над повозкой на добрых три метра — куб из толстых стальных прутьев, перекрещенных так часто, что между ними едва проходила ладонь. Каждый прут был исписан защитными рунами, которые пульсировали слабым, болезненным сиреневым светом. Свет этот не был ровным — он дышал, то разгораясь, то почти угасая, словно сердце заклинания билось в неестественном ритме, навязанном ему извне.

По обе стороны клетки, на узких выступах платформы, стояли двое. Один — мой отец.

Теперь, под открытым небом, в окружении толпы и рунного света, он казался не просто Верховным магом огня — он казался существом, которое больше не принадлежало нашему дому. Его ладони были вытянуты вперёд, пальцы чуть согнуты, и между ними и прутьями клетки струился едва заметный поток алого пламени. Пламя не жгло металл — оно втекало в руны, питая их, и лицо отца было сосредоточенным до предела. Губы сжаты в тонкую линию, на лбу испарина. Он не смотрел в толпу. Он смотрел только в клетку.

Тринадцать лет назад этот человек посадил меня перед собой и сказал, что внутри меня спит смерть. Что одно неверное движение — и я перестану быть собой. Я поверил ему. Я всё ещё верил ему этим утром.

Теперь я смотрел, как он защищает мир от того, кто создал эту смерть во мне. И что-то в его лице — не усталость, не напряжение, а что-то иное — заставило меня впервые задать вопрос, который я никогда не осмеливался сформулировать: а точно ли он сказал мне правду?

Человек, стоявший по другую сторону, был мне знаком — но лишь по рассказам. Корвус.

Я ожидал увидеть кого-то похожего на отца: такого же сурового, такого же военного. Но Корвус оказался другим. Он был старше отца на добрый десяток лет — седина уже почти полностью вытеснила чёрный цвет из его коротко стриженных волос и аккуратно подрезанной бороды. Лицо его было узким, с глубокими складками у рта и длинным носом с лёгкой горбинкой — лицо учёного или лекаря, а не боевого мага. Одежда тоже не вязалась с моментом: поверх стандартной мантии коллегии он носил старый, вытертый на локтях сюртук мышинового цвета, из кармана которого свисал засаленный шнурок от пенсне. Пенсне это он, казалось, забыл нацепить второпях, и теперь оно болталось у него на груди, поблескивая стёклами в такт покачиванию повозки.

Но руки Корвуса — вот что выдавало в нем мага. Они были подняты так же, как у отца, и от них к клетке тянулся не огонь, а что-то иное: тёмно-зелёные, почти чёрные жгуты силы, похожие на корни старого дерева. Эти жгуты не пульсировали — они перетекали, медленно и

неотвратно, и от одного взгляда на них у меня закружилась голова. Я не знал, какой магией владеет Корвус. Но она определённо не была огнём.

Я отвёл взгляд — рефлекторно, как привык за годы. Не смотреть. Не касаться. Не думать.

Отец говорил: «Ты поймёшь, когда она начнёт просыпаться. Ты почувствуешь». Я не чувствовал. Никогда. И от этого мне было ещё страшнее — потому что я не знал, где проходит граница. Я просто жил с этим. Жил, запретив себе даже смотреть в сторону коллегии, даже думать о том, чтобы попробовать.

— Смотрите, — выдохнула Кэт, указывая на клетку.

Я перевёл взгляд — и увидел его.

Лукас Самберс.

Он висел в центре клетки, подвешенный за четыре цепи — по одной на каждую конечность. Цепи были натянуты так, что его тело образовывало жуткую букву «Х», парящую в воздухе без единой точки опоры. Запястья и лодыжки были закованы в широкие металлические браслеты, от которых тянулись толстые звенья к углам клетки. Руки его не просто были скованы — каждая кисть была заключена в громоздкую металлическую перчатку — цельную, без единого шарнира. Пальцы в ней были разведены врозь и залиты в отдельные несгибаемые футляры, намертво слитые с кистевой частью, так что он не мог пошевелить даже кончиком пальца. Перчатки глухо светились рунами.

Рот его был закрыт. Не просто тканью — это был металлический намордник, плотно облегающий нижнюю половину лица, с рядом мелких отверстий для дыхания. Он делал Лукаса похожим на дикого зверя, которого везут на ярмарку.

Но страшнее всего был не металл. Страшнее всего был он сам.

Лукас Самберс был измождён до той грани, за которой человеческое тело перестаёт быть собой. Одежда — рваная, бесформенная рубашка и штаны, когда-то, наверное, бывшие серыми, а теперь бурые от грязи и засохшей крови — висела на нём мешком. Ключицы выпирали так, будто готовы были прорвать кожу. Рёбра проступали даже сквозь ткань. Руки, растянутые цепями, были тонкими, как жерди, и мускулы на них напоминали узлы веревок, затянутые в последнем усилии.

Лицо его было пепельно-серым. Волосы — когда-то, наверное, тёмные — теперь висели свалевшимися патлами, в которых проблёскивали нити седины. Дождь намочил его волосы и от этого они сальными прядями тряслись в ритм повозки везущей его по мостовой. Глаза глубоко запали, и тени под ними были такими тёмными, что казались провалами в череп.

Но эти глаза — они были открыты. И в них что-то жило.

Я смотрел на человека, который сломал мою жизнь до того, как я научился говорить связными предложениями. Человека, чья магия была заперта внутри меня. И я должен был ненавидеть его. Должен был радоваться, глядя на эти цепи, на этот намордник, на это измождённое тело.

Но вместо ненависти я чувствовал липкий, тошнотворный страх. Потому что впервые мне пришло в голову: если его магия заперта во мне, то почему она до сих пор не убила меня? Почему я вообще жив?

— Ничего себе, — тихо проговорил Сетт, и в его голосе не было ни насмешки, ни спора. Только хриплое, невольное уважение. — Живой.

— Живой, — эхом повторила Кэт, и её голос дрогнул.

Толпа внизу взорвалась.

Сначала полетели оскорбления — грубые, бессвязные, какие-то даже нелепые в своей ярости. Какой-то мужчина выкрикнул имя женщины, которого я не знал. Кто-то завопил: «Смерть энтрописту!» — и этот вопль подхватили десятки глоток. Потом в воздух полетело другое.

Первым был помидор. Спелый, красный, он врезался в прутья клетки и брызнул соком, который зашипел на рунах и испарился, не долетев до тела Лукаса. За ним полетело яйцо — оно разбилось о металлический браслет, и желток медленно пополз по цепи. Затем полетело гнилое яблоко, какой-то ботинок, комок земли, выдранный, кажется, прямо из мостовой. Толпа редела, и в этом рёве смешалось всё: ненависть, страх, торжество.

— Сдохни! — орал кто-то совсем близко, и я увидел женщину с лицом, перекошенным до неузнаваемости. Она швырнула в клетку что-то тяжёлое — кажется, камень, — и он звякнул о металл, отскочив в сторону.

Но я видел и другое.

Справа от нас, почти у самой стены мастерской, стоял старик. Он не кричал. Он просто смотрел на клетку, и по его щекам текли слёзы. Рядом с ним молодая девушка — его дочь или внучка — вцепилась в его руку и пыталась оттащить прочь, но он не двигался. Он просто плакал, беззвучно, безнадежно, и его слёзы сказали мне больше, чем все вопли вокруг.

Слева кто-то пытался бежать. Молодая мать с ребёнком на руках пробивалась сквозь толпу, закрывая ему голову платком, и лицо её было белым как мел. Она не хотела, чтобы ребёнок видел это. Или не хотела, чтобы он был здесь, когда что-то случится.

А по краям толпы, у самой цепочки стражников, стояли те, кто молчал. Они не бросали ничего. Они не кричали. Они просто стояли — мужчины и женщины, человек десять-пятнадцать, — и смотрели на клетку с выражением, которое я не мог разобрать. Это не была ненависть. Это не был страх. Это было что-то, чему я пока не знал названия.

— Элиот, — Кэт тронула меня за локоть, — ты в порядке? Ты побледнел.

Я не ответил. Потому что в этот самый момент Лукас Самберс повернул голову. Медленно, невероятным усилием — цепи натянулись, и я увидел, как напряглись жилы на его шее, — но повернул. И его глаза — запавшие, почти мёртвые — встретились с моими.

Мир замер.

Я не преувеличиваю. Реальность дала трещину. Рёв толпы отодвинулся и превратился в шорох — как если бы кто-то накрыл город плотным одеялом, оставив нам с ним одну тишину. Лица Сетта и Кэт, стоящих рядом, расплылись и исчезли. Остались только я и он. И расстояние между нами — каких-то тридцать метров — вдруг перестало существовать.

Он смотрел на меня. Его глаза были не безумными. Не молящими. Не пустыми. Они были... понимающими. Будто он знал обо мне всё. Будто он видел «зерно» сквозь рубашку, сквозь кожу, сквозь годы отцовской лжи. Будто он узнал во мне то, что сам когда-то создал.

А затем «зерно» проснулось.

Это было похоже на внутренний разрыв — словно что-то, спавшее годами, рвануло не наружу, а вглубь, в каждую клетку. Волна обжигающего, неконтролируемого пламени, которая ударила изнутри — не наружу, а вглубь, в каждую клетку моего тела. Я почувствовал, как вены на левой стороне груди вспыхнули, будто по ним побежала не кровь, а расплавленный металл. Сердце сбилось с ритма, ударило дважды, пропустило удар, и перед глазами всё поплыло.

Отец говорил: «Ты поймёшь, когда она начнёт просыпаться».

Я понял. И это было ужаснее всего, что я мог себе представить.

Потому что это была не просто боль. Это было узнавание. Моё тело знало его магию. Оно отзывалось на неё, как отзывается струна на правильную ноту. И я вдруг осознал — с леденящей, тошнотворной ясностью, — что «зерно» никогда не спало. Оно ждало. И оно было не проклятием, не болезнью, не чужеродным осколком. Оно было частью этого человека. И оно узнало хозяина.

Я схватился за грудь. Рубашка под пальцами сделалась горячей, будто под ней загли сырой трут, и он начал тлеть, въедаясь в кожу — я чувствовал жар даже сквозь ткань. Кэт что-то говорила, но я не слышал слов. Сетт положил руку мне на плечо, и его прикосновение было ледяным по сравнению с тем, что творилось внутри.

— Элиот, что с тобой? — его голос доносился издалека.

Я выпрямился, хотя спина ныла. Жар медленно отступал, превращаясь в тупое, ноющее тепло, которое пульсировало в такт удаляющемуся скрежету колёс. Кортёж миновал мастерскую.

— Ничего, — сказал я, и голос мой был чужим. — Просто... он посмотрел на меня.

Лукас Самберс больше не мог видеть меня — повозка ушла вперёд, и между нами встали спины гвардейцев. Но я всё ещё чувствовал его взгляд. И я знал: он почувствовал мой.

Что-то не похоже, что ты в порядке...# Кэт смотрела на меня так будто была в шаге схватить и отнести в ближайший госпиталь, от этого барьер, защищавший нас от проливного дождя, стал слегка пульсировать, откликаясь на эмоции Кэт, # ты весь белый.

Все в порядке... кажется, # соврал я.

Сетт и Кэт продолжили внимательно осматривать меня. Конечно, они не поверили мне. Но настаивать не стали.

Отец стоял на платформе, всё так же вливая огонь в руны. Он не смотрел на меня. Он смотрел только в клетку. И я понял: он знал. Знал, что я буду здесь. Знал, что Лукас меня увидит. Знал, что «зерно» отзовётся.

И он ничего мне не сказал.

Эта мысль ударила сильнее, чем боль. Сильнее, чем страх. Она была предательством — тихим, холодным, рассчитанным. Мой отец, который учил меня бояться магии, который запретил мне даже думать о ней, который заставил меня прожить жизнь в ожидании смерти, — он знал, что сегодня я встречу человека, создавшего это «зерно». И он позволил этому случиться.

Почему?

Кортёж удалился. Толпа зашевелилась, ослабляя напряжение — кто-то ещё кричал, кто-то уже расходился, — и шум постепенно стихал, уступая место обычному городскому гулу. Стражники оставались в оцеплении, не позволяя зевакам следовать за повозкой.

— Всё, — выдохнул Сетт и разжал кулаки, о которых я даже не подозревал. — Ушёл.

— Ушли они, — поправила Кэт. — Отец твой ушёл. И этот, второй. Кстати, кто это был?

— Корвус, — сказал я. — Старый коллега отца.

— Выглядит как библиотекарь, которого заставили дежурить на каникулах.

— Да, — согласился я. — Выглядит.

И почему-то именно это пугало меня больше всего.

Дождь стал по немного стихать, Кэт расплела своё заклинание и мы отправились обратно в мастерскую.

Костюм был готов.

Госпожа Линна вынесла его из задней комнаты с таким видом, будто подавала корону. Изумрудный сюртук-фрак сидел на мне так, словно его шили не полчаса назад, а несколько дней. Серебряная вышивка по вороту поблескивала в свете ламп, и я, взглянув в зеркало, впервые за день остался доволен своим отражением.

— Искупила долг? — спросила Линна с усмешкой.

— С лихвой, — ответил я.

Кэт хмыкнула:

— Для художника неплохо.

Мы вышли из мастерской. Улица уже наполовину опустела — оцепление сняли, стражники перекуривали у стен, а лавочники возвращали лотки на свои места. О кортеже напоминала только раздавленная на мостовой помидорная кожура да горстка перьев, выпавших из чьего-то швырка.

До галереи «Три холста» мы добрались за четверть часа. У входа уже толпились люди — нарядные, возбуждённые, явно пришедшие на открытие, — и нас встретил распорядитель.

Это был небольшой человек лет пятидесяти, с розовой лысиной, которую он пытался замаскировать зачёсанными набок остатками волос, и усиками, подстриженными с такой точностью, будто он ежечасно сверялся с линейкой. Звали его, кажется, мистер Бросс и при каждом упоминании собственного имени чуть приподнимался на носки, словно пытался достать макушкой до собеседника.

— Мистер Эверетт! — он всплеснул руками, едва завидев нас. — Какая честь! Какая невероятная честь! Ваш костюм... ваш костюм изумителен! Вы затмите сегодня само искусство, уверяю вас!

— Мистер Бросс, — я кивнул с той лёгкой снисходительностью, которую всегда позволял себе в его присутствии. Пользоваться его подбострастием было стыдно, но приятно. Особенно сегодня. Сегодня мне нужно было чувствовать себя хоть в чём-то хозяином положения.

— Я лично проследил, чтобы всё было готово. Картины развешены строго по вашему плану. Освещение выставлено. Вино охлаждено. Распорядитель в зале ожидает ваших указаний.

— Вино? — оживился Сетт.

— Для гостей, — уточнил я. — А не для кадетов, которым завтра с утра на построение.

— Один бокал — я же не на построении сейчас.

Кэт легонько толкнула его локтем.

— Ты ему не давай, — сказала она мне. — Потом будет петь строевые песни и распугивать критиков.

— Я не пою, — возмутился Сетт.

— Вот именно. Поэтому и не пей, чтобы не начинал.

Я оставил их препираться и направился в галерею. Мистер Бросс семенил рядом, забегая то слева, то справа и без умолку щебеча о том, какие важные господа уже прибыли. Я слушал его вполуха.

Зал галереи встретил меня приятным полумраком и запахом свежего лака. Картины висели на стенах, подсвеченные мягким магическим светом. Я обвёл их взглядом и впервые за этот бесконечный день почувствовал что-то похожее на покой.

Вот он, мой мир. Вот что я создал. Вот что я мог — единственное, что мне было позволено.

Я не мог колдовать. Мне было запрещено даже пытаться. Но никто не мог запретить мне рисовать. И я рисовал так, будто каждая картина была моим личным заклинанием. Единственным доступным мне волшебством.

Но теперь, стоя в этом зале, я чувствовал, что этого больше недостаточно. «Зерно» всё ещё пульсировало под рубашкой. И я не знал, что с этим делать.

— Элиот! — оклик Сетта донёсся от входа. — Ты идёшь? Тут уже первые гости начинают заходить!

Я обернулся, кинул последний взгляд на картины и пошёл к друзьям. Впереди был вечер. Мой вечер.

«Ничто не испортит этот вечер», — сказал я себе.

И впервые за день эта мысль не принесла мне уверенности. Потому что внутри, под изумрудным сукном нового сюртука, «зерно» — или то, что я им называл, — всё ещё слабо, но настойчиво пульсировало теплом.

Глава 4. Воссоединение.

Пять часов пролетели как один.

Галерея «Три холста» к вечеру преобразилась. Магические светильники, развешанные под высоким сводчатым потолком, к восьми часам приглушили свой свет до тёплого, почти янтарного оттенка. Тени от колонн стали глубже, и лица гостей, подсвеченные снизу, казались мягче и загадочнее. Воздух наполнился густым коктейлем из запахов: сухого дерева от картинных рам, свежего лака от полотен, вина, которое разносили официанты в белых перчатках, и едва уловимого, но настойчивого аромата жасмина с чем-то цитрусовым — кажется, духов госпожи Линны, которая явилась на открытие в новом платье и с гордым видом матери, чья дочь дружит с художником.

У одной из стен, под моей картиной «Переселенцы у острога», стояла группа пожилых магов из коллегии. Они говорили вполголоса, но активно жестикулировали, и я пару раз ловил на себе их оценивающие взгляды. Чуть дальше, у буфета, Сетт мужественно отбивался от настойчивых расспросов какой-то барышни в розовом, которая, судя по её расширенным глазам, явно перепутала его с героем светской хроники. Кэт пару раз проходила мимо, якобы случайно, и каждый раз её губы подрагивали в усмешке.

Я общался. Улыбался. Принимал поздравления. Рассказал о каждом из пятнадцати полотен разным людям столько раз, что к восьмому часу вечера собственный голос казался мне чужим. Я выпил, но ровно столько, чтобы голова оставалась ясной. Сетт, вопреки моим ожиданиям, держал слово, данное Кэт, и ограничился одним бокалом. Кэт в своём тёмно-синем платье, которое она, кажется, сшила сама — я узнал её почерк в вышивке на рукавах, — выглядела так, что у меня перехватывало дыхание всякий раз, когда она оказывалась рядом. Я старался не смотреть на неё слишком часто.

Где-то в середине вечера ко мне подошёл пожилой господин с лицом, изрезанным морщинами, как старая карта. Он представился профессором истории из университета, долго и путано хвалил мой цикл, сравнивал его с работами старых мастеров, которых я не знал, а потом вдруг спросил, не было ли у меня «особого вдохновения» для картины «Эреборские тени» — той, где горы на закате отбрасывали длинные, неестественно чёрные тени на равнину.

К девяти часам вечера галерея гудела, как улей. Светский, приятный, почти безупречный вечер катился к своей кульминации.

А потом мистер Бросс постучал по бокалу.

Звук этот — серебряный, пронзительный — рассёк гул голосов, и галерея стала затихать. Бросс стоял в центре зала, у небольшого возвышения перед моей главной картиной — «Основатели у первого острога», — и сиял так, будто это он написал все пятнадцать полотен. Его лысина блестела в свете ламп. Усы подрагивали от важности момента.

— Дамы и господа! — он поднял бокал, и все взгляды обратились к нему. — Сегодняшний вечер — это вечер триумфа. Триумфа искусства. Триумфа таланта. Триумфа молодого человека, чьё имя, я уверен, совсем скоро будет известно далеко за пределами нашей прекрасной столицы. Человека, который четыре месяца работал над этим циклом, не показывая ни единого эскиза даже собственной семье. Человека, который сегодня предстал перед вами в изумрудном сюртуке, сшитом лучшей белошвейкой Солстейна...

— Это ты ему заплатил? — шёпотом спросила Кэт, стоявшая слева от меня.

— Нет, он сам, — так же шёпотом ответил я.

— Потрясающе. Я сейчас расплачусь, — сдавленно фыркнула она.

— ...и я с гордостью передаю слово виновнику этого торжества. Мистер Элиот Эверетт!

Прошу!

Раздались аплодисменты. Умеренные, светские — и несколько оглушительных хлопков от Сетта, которые звучали так, будто он пытался аплодировать за весь кадетский корпус.

Я уже открыл рот, чтобы начать благодарственную речь, когда двери галереи распахнулись.

Вошли трое.

Мария — в своём строгом сером платье, с причёской, уложенной тщательнее обычного, и с выражением лица, которое я видел только в моменты крайней важности. Матушка — в глубоком бордовом наряде, с высокой причёской, которая делала её выше и величественнее. И отец — всё ещё в парадном облачении гвардии магов, с усталым лицом, но прямым станом.

Я замер. Они всё-таки успели. Отец, который этим утром не мог выдать из себя ничего, кроме сухого пожелания удачи, стоял здесь. Он пришёл.

Матушка встретилась со мной взглядом и улыбнулась — той самой улыбкой, которой она управляла хаосом. Я почувствовал, как к горлу подступает ком.

— Прошу прощения за опоздание, — сказала она, и её голос разнёсся по залу легко и властно. — Дела города не спрашивают, когда им случаться. Продолжайте, пожалуйста. Мы — просто гости.

Гости заулыбались, кто-то зааплодировал самому факту её появления. Бросс просиял ещё ярче, если такое вообще было возможно.

Я глубоко вздохнул и начал речь.

— Я хочу поблагодарить каждого из вас за то, что вы здесь, — слова шли легче, чем я ожидал. — Четыре месяца назад я начал этот цикл с простой мыслью: показать историю Солстейна такой, какой я её вижу. Не в хрониках, не в учебниках — а в лицах. В свете костров, которые жгли основатели. В тенях, которые падают от Эреборских вершин. В глазах людей, которые строили этот город, не зная, простоит ли он дольше их самих.

Я продолжал говорить, но краем глаза уже скользил по залу. Слева, у третьей картины, стоял мужчина в тёмно-зелёном сюртуке, который ни разу не взглянул на полотно. Он смотрел на двери. Справа, у колонны, женщина в серой накидке — её лицо было скрыто капюшоном, что само по себе странно для светского вечера. Ещё один — высокий, худой, с нервными пальцами, которые безостановочно теребили пуговицу на рукаве. Ещё двое стояли в конце зала, почти у самых дверей, и их позы были напряжены так, будто они не гости, а стража. Я насчитал пятерых. Никто из них не смотрел на картины. Никто не пил вино. Никто не улыбался.

— ...и я хочу, чтобы сегодняшний вечер стал не просто открытием выставки, — я заканчивал речь, хотя внутри уже нарастала тревога, — а напоминанием о том, что искусство — это тоже магия. Магия, которая не требует жертв.

Я поднял бокал. Зал поднял бокалы в ответ. Улыбки. Кивки. Матушка смотрела на меня с гордостью. Отец — без выражения, но он смотрел, и это было больше, чем обычно.

Мы чокнулись.

И в этот момент пол ушёл из-под ног.

Землетрясение ударило резко, без предупреждения. Зазвенели бокалы — один упал и разбился. Картины задрожали на стенах, и четыре из них сорвались с креплений, рухнув на пол с глухим стуком. Кто-то вскрикнул. Кто-то схватился за соседа. Люстра под потолком закачалась, и свет заметался по залу, превращая гостей в мечущиеся тени.

Я инстинктивно присел, хватаясь за край стойки. Справа от меня Кэт вцепилась в локоть Сетта. Слева Мария закрыла собой пустоту — просто по привычке.

Землетрясение длилось несколько секунд. А потом так же внезапно прекратилось.

— Спокойно! Дамы и господа, спокойно! — Бросс уже метался по залу, размахивая руками. — В Солстейне иногда бывают лёгкие подземные толчки! Это совершенно нормально! Защитные чары города иногда дают о себе знать! Прошу всех оставаться на местах, уверяю вас, опасности нет!

Я слушал его вполуха. Мои глаза были прикованы к отцу.

Он стоял неподвижно, глядя куда-то за мою спину — туда, где ничего не было, только стена галереи. Его лицо, которое секунду назад было усталым, но спокойным, теперь стало каменным. Я видел это выражение раньше — сегодня утром, когда он вышел в полном облачении гвардии магов. Но теперь к нему добавилось что-то ещё. Страх. Самый настоящий, обнажённый страх.

Он развернулся и стремительно вышел из галереи. Никому не сказав ни слова. Даже мамушке.

— Что это с ним? — спросил Сетт.

Я не ответил.

Гости постепенно успокаивались. Бросс продолжал щебетать, официанты подбирали осколки. Кто-то уже нервно смеялся. Я обменялся короткими фразами с Кэт и Сеттом — «что это было?», «не знаю», «отец ушёл» — но не успел договорить.

Двери галереи распахнулись.

На этот раз в них не вошли. В них будто втекла тьма.

Человеческая фигура, укутанная в тёмный плащ с головы до пят, появилась на пороге. Дверной проём был освещён, но свет, казалось, не касался вошедшего — он тонул в складках плаща, как в чернилах.

Охранник — один из двух, стоявших у входа, — шагнул вперёд и преградил путь.

— Прошу прощения, господин, но вход только по приглашительным биле...

Он не договорил.

Тёмная фигура подняла руку и коснулась груди охранника. Тот дёрнулся, захрипел, и его тело начало иссыхать прямо на глазах. Кожа натянулась на костях, глаза ввалились, рот раскрылся в беззвучном крике. Через мгновение на пол осела пустая оболочка — мумия в мундире охранника, иссушённая до костей.

А фигура изменилась. Плащ, до того висевший мешком, теперь натянулся на плечах, которые раздались вширь. Грудь стала мощной, руки наполнились силой. Бледная, почти прозрачная кожа приобрела здоровый оттенок. Из-под капюшона на мгновение показалась нижняя часть лица — с чёткой линией челюсти, без малейших следов измождения. Существо перед нами больше не было скелетом, завёрнутым в плащ. Это был человек в расцвете сил, наполненный украденной жизнью.

Зал замер. На несколько секунд воцарилась тишина — та особая, звенящая тишина, которая бывает только перед самым страшным.

А потом начался хаос.

Кто-то закричал. Кто-то бросился к запасному выходу. Кто-то застыл, не в силах пошевелиться. Бросс замер с открытым ртом, и его бокал выпал из пальцев, разбившись вдребезги.

Но не все бежали.

Те пятеро, которых я заметил во время речи — мужчины в тёмных сюртуках, женщина в серой накидке, высокий тип с нервными пальцами, — не бросились к дверям. Они, напротив, двинулись вперёд, сквозь мечущуюся толпу, и замерли за спиной Лукаса полукругом. Их лица больше не скрывали напряжения — теперь на них читалась спокойная, почти ритуальная сосредоточенность. Один из них — тот самый высокий — вытащил из рукава короткий жезл с тускло светящимся навершием. Женщина сбросила капюшон, и я увидел худое лицо с выжженным на лбу символом — спиралью энтропии, перечёркнутой двумя линиями. Символ радикалов.

Сообщники. Они ждали этого момента.

Вперёд вышли трое.

Сетт — без оружия, но его тело напряглось так, что рубашка затрещала по швам. Он встал передо мной и Марией, заслоняя нас.

Кэт — её пальцы уже плели заклинание, и воздух вокруг неё дрожал от напряжения.

И матушка. Она шагнула вперёд, и в её руках блеснули два узких кинжала, которые я никогда раньше не видел. Откуда у неё кинжалы? В вечернем платье. С двумя клинками.

Я стоял неподвижно. Мария стояла передо мной, заслоняя собой.

— Не двигайтесь, мистер Эверетт, — прошептала она. — Только не двигайтесь.

Я знал, кто это. Я знал с той самой секунды, как он вошёл. И от этого знания ноги приросли к полу, а сердце билось где-то в горле. «Зерно» на груди горело так, будто под кожей разожгли костёр.

Тёмная фигура медленно подняла руки и сбросила капюшон.

Лукас Самберс.

Он был не похож на того измождённого узника, которого мы видели днём. Совсем нет. Его лицо было лицом здорового, полного сил мужчины лет сорока с небольшим. Черты — твёрдые, резкие, с высоким лбом и широким ртом, который сейчас кривился в лёгкой усмешке. Волосы, днём висевшие сальными патлами, теперь лежали тёмными волнами до плеч — в них по-прежнему поблёскивала седина, но она не старила его, а придавала облику какую-то нездешнюю, жутковатую внушительность.

Его глаза — те самые запавшие глаза, в которых днём что-то умирало, — теперь горели тусклым, болезненным сиреневым светом, в тон тем рунам, что держали его в клетке. Но теперь это был не свет безумца. Это был свет хищника, который знает, что жертва загнана в угол.

Он улыбался. На этот раз улыбка была видна — без намордника, без цепей. Тонкая, почти сочувствующая улыбка.

Лукас скользнул взглядом по нашей пятёрке. Потом, не оборачиваясь, бросил через плечо — тихо, но так, что услышали все:

— Не вмешиваться. Я справлюсь сам.

Высокий с железом качнулся было вперёд, но замер. Женщина со спиралью на лбу скривила губы, но осталась стоять. Они подчинились. Беспрекословно.

— Хороший вечер, — сказал Лукас тихо так же тихо, но слышно каждому. — Искусство, вино, приятная компания. Я рад, что успел.

— Как?.. — голос Кэт дрогнул. — Тебя отрезали от источника. Ты не можешь колдовать.

— И тем не менее, я тут, а не в цепях, — согласился Лукас.

Он не двигался. Просто стоял и смотрел на нас. Вернее, не на нас.

На меня.

— Элиот Эверетт, — произнёс он моё имя так, будто пробовал его на вкус. — Должен признаться, я ждал этой встречи. пятнадцать лет. И вот ты стоишь здесь. В красивом костюме. С бокалом. С друзьями. С семьёй. Хорошо, что свой подарок я дал тебе ранее. Боюсь, в заключении трудно найти что-то стоящее для такой знатной персоны как ты.

Я не ответил. Я не мог. Моя рука прижалась к груди, и я чувствовал, как «зерно» бьётся под пальцами — словно второе сердце.

— Что тебе нужно, Лукас? — голос матушки был холоден, как лёд.

Он перевёл взгляд на неё.

— Гвэндолин. Ты прекрасно выглядишь. Годы тебе пошли только на пользу.

— Что тебе нужно? — повторила она.

— Справедливости, — сказал Лукас. — Но справедливость весьма непростое дело.. Оно требует времени. А времени у меня сегодня немного. Поэтому начнём с простого. Я пришёл за своим.

— Ты не получишь Элиота, — сказала матушка.

— Разве? — Лукас наклонил голову. — А ты уверена, что он твой, Гвэндолин? Ты уверена, что он когда-нибудь был твоим?

Я смотрел на них, и в голове билась одна мысль: «Почему она не боится?» Матушка стояла с двумя кинжалами против мага, который только что иссушил человека одним касанием, и говорила с ним так, будто он всё ещё был тем Лукасом, которого она знала раньше.

И тут матушка заговорила снова, и её голос изменился. Он стал тише. Глубже. В нём появилась та нота, которую я никогда раньше не слышал — нота старой, не зажившей боли.

— Ты всё ещё мстишь нам за Елену?

Вопрос повис в воздухе, и даже Лукас, казалось, замер на мгновение.

— Если так, — продолжила матушка, и я видел, как побелели её пальцы, сжимающие кинжалы, — то тебе нужна я. А не он.

Я ничего не понимал. Елена? Кто это? Я никогда не слышал этого имени в нашем доме. Но Лукас — Лукас его явно знал. Его лицо дёрнулось. Улыбка исчезла. На несколько секунд перед нами оказался не хищник, не маг, не чудовище. Просто человек, которому назвали имя, вырванное из самой глубокой, самой тёмной его памяти.

— Не смей, — произнёс он, и эти слова прозвучали почти так же, как у матушки несколькими секундами раньше.

— Елена мертва, — продолжила матушка. — Я понимаю, почему ты винишь нас. Почему ты винишь Сайласа. Но я была рядом с ним в ту ночь. Решение отступить — было наше общее. И я готова ответить за это. Сейчас. Здесь. Но оставь моего сына в покое.

— Матушка, о чём ты говоришь? — я шагнул вперёд, и Мария попыталась удержать меня за руку, но я вырвался. — Кто такая Елена? Что ты ему предлагаешь?!

— Не вмешивайся, Элиот. # матушка вздрогнула, будто сама не ожидал такой жесткости в мою сторону.

Лукас смотрел на нас с лёгким, почти безразличным интересом. Как человек, наблюдающий за семейной ссорой в чужом доме.

— Она не говорила тебе о Елене, верно? — спросил он, и его голос был почти ласков. — Это очень в духе вашей семьи. Замалчивать. Хранить секреты. Оберегать весь мир от правды.

— Заткнись, — бросила матушка, но Лукас продолжал.

— Елена была моей женой. Она погибла во время восстания сект. И твои родители — твой отец, Элиот — могли спасти её. Но решили не рисковать. Бросили её отряд. Бросили её.

— Это ложь! — выкрикнула Кэт.

— Правда! — рыкнул Лукас, и в этом рыке прозвучала такая ярость, что все отшатнулись. — Твой отец, Элиот, — всеобщий праведник чести и защитник слабых — бросил мою жену умирать! И знаешь, что самое смешное? Я не мстил ему. Я не убил его тогда, когда мог. Я просто взял то, что было мне нужно. Я взял тебя. И сделал тебя лучше. Я дал тебе силу!

— Ты проклял меня, — сказал я, и мой голос был глухим, чужим. — Ты сломал мою жизнь.

— Нет. Я дал тебе свободу. Ты просто ещё не понял этого.

Кэт не выдержала.

Она выбросила руки вперёд, и заклинание сорвалось с её пальцев — поток алого с серебристым отливом огня, который должен был смести Лукаса к дверям. Я видел, как она плела его. Я знал это заклинание — она репетировала его месяцами.

Лукас поднял ладонь. Заклинание ударило в неё и исчезло. Просто исчезло, как вода, впитавшаяся в песок. Ни взрыва, ни вспышки, ни даже лёгкого дыма.

— Хорошая попытка, — сказал он. — Но тебе не стоит перебивать взрослых.

Кэт ещё не опустила рук, а Сетт и матушка уже двигались — одновременно, без единого слова, будто репетировали это годами. Сетт ударил первым, целясь в лицо, — и его кулак пришёлся Лукасу в челюсть с глухим, влажным хрустом. Кровь брызнула — настоящая, алая. Лукас покачнулся, но не отступил. Он перехватил руку Сетта, сжимая запястье с такой силой, что я услышал скрип костей.

Но в этот же миг матушка оказалась у него за спиной. Её правый кинжал вошёл Лукасу в предплечье — глубоко, до кости, распарывая рукав и плоть. Лукас взревел — низко, гортанно — и развернулся, отшвыривая Сетта в сторону, как тряпичную куклу. Сетт рухнул на стол с закусками, разметав бокалы и тарелки.

Матушка выдернула клинок, замахиваясь для второго удара, но Лукас был быстрее. Он перехватил её левую руку, вывернул кисть, и кинжал, описав короткую дугу, вошёл ей в бок.

— Нет! — крик вырвался у меня раньше, чем я успел осознать.

Матушка пошатнулась. Кровь текла из её раны быстро, гораздо быстрее, чем должна была. Лукас отпустил её, и она осела на пол.

Краем глаза я заметил движение за его спиной. Двое сообщников — высокий с жезлом и женщина со спиралью — дёрнулись вперёд. Их лица исказились при виде крови Лукаса, стекающей по его руке, по предплечью, капающей на мраморный пол. Высокий уже шагнул, приподнимая жезл. Женщина судорожно выдохнула, и её пальцы засветились тем же сиреневым огнём, что горел в глазах Лукаса.

Но Лукас, даже не смотря на приспешников, поднял окровавленную ладонь — один короткий, повелительный жест. И они замерли. Высокий отступил на шаг. Женщина сжала зубы так, что желваки заходили под кожей, но не двинулась с места.

— Я сказал: не вмешиваться, — произнёс Лукас негромко, но в его голосе звякнула сталь.

— Ты могла бы просто отойти, Гвэндолин, — сказал Лукас почти печально. — Я пришёл не за тобой.

Она упала. Я бросился к ней. Мои руки прижались к ране, пытаюсь остановить кровь, но её было слишком много — тёплая, липкая, она текла сквозь пальцы, и я чувствовал, как с каждым ударом сердца матушка слабеет.

— Элиот... — прошептала она, и в её чёрных глазах, тех самых, что достались мне, на мгновение вспыхнула прежняя Гвэндолин Эверетт, мэр столицы, женщина, которая управляла хаосом. — Не бойся за меня. Спасайся сам.

Я поднял взгляд на Лукаса. Он стоял в шаге от нас с Марией, и Мария всё ещё заслоняла меня собой. Но теперь между нами была только она и воздух.

Двери галереи сорвались с петель. Огненный вал ударил в полукруг сообщников, разметав их, как кегли. Они покатались по мраморному полу, оглушённые, но живые — отец не хотел убивать, только выиграть время. Я укрыл матушку от языков огня, но словно живое, оно не причинило нам вреда.

В проём ворвались двое. Отец — весь в огне, в прямом смысле слова: его тело полыхало алым пламенем, которое не жгло его одежду, но делало его фигуру огромной, почти нечеловеческой. И Корвус — с тёмно-зелёными жгутами магии, которые теперь не поддерживали клетку, а летели вперёд, как живые корни, хватая пустоту и воздух.

Лукас повернулся к ним. Алое и зелёное ударили в сиреневое, и зал озарился тройным светом — таким ярким, что все зажмурились. Но я смотрел. Я смотрел, как отец и Корвус отбрасывают Лукаса.

Он отступал, но не бежал. На его лице играла всё та же понимающая улыбка. Он не был побеждён. Он просто решил, что на сегодня хватит.

Сейчас, # крикнул отец и Корвус стремительно сплел новое заклинание и толстые корни оплели Лукаса с ног до головы полностью сдерживая его движения.

Отец тут же повернулся к нам. Его лицо, только что полыхавшее яростью, стало мертвенно-бледным, когда он увидел матушку у меня на руках.

Корвус, связав Лукаса, склонился над матушкой и коснулся её лба. От его пальцев побежали тонкие изумрудные нити, уходя в кожу. — Это замедлит кровотечение, — сказал он тихо, и я впервые услышал его голос глубокий, с легкой хрипотцой, он едва сдерживал тревогу. — Но не исцелит. Нам нужно успеть.

— Живо! — рявкнул он. — Все в поместье! Сейчас! Это его сдержит лишь на пару минут! Я поднял матушку на руки. Она была легче, чем я ожидал, — невесомая, почти как птица. Её голова лежала у меня на плече, и я чувствовал её дыхание — слабое, прерывистое. Рана в боку всё ещё кровоточила, и мои пальцы скользили по мокрому шёлку её платья. Сетт поднялся сам, прижимая правую руку к груди — я видел, что запястье неестественно опухло. Кэт шла рядом, и её лицо было белее мела.

Мы вышли из галереи и двинулись по ночным улицам. Ночь была холодной. После дневного дождя мостовая блестела, отражая редкие фонари. Город не спал — откуда-то из центра доносились крики, лязг металла, топот множества ног. Видимо, исчезновение Лукаса уже обнаружили, но помочь это нам не могло.

— Как он выбрался? — спросил я, не замедляя шага. Слова давались с трудом — дыхание сбивалось от напряжения.

Отец шёл впереди, прокладывая путь по тёмным переулкам.

— Кто-то помог ему. Изнутри. Подменили кристаллы на рунах клетки. Мы заметили слишком поздно.

— А магия? — голос Сетта был хриплым. — Как он колдовал? Его же отрезали.

— Технически — да, — ответил Корвус, и в его тоне звучало что-то похожее на мрачное признание собственной ошибки. — Но мы имеем дело не с обычной магией. Лукас Самберс — единственный известный нам энтропист из ныне живущих, который мог впитывать жизнь.

— Это противоречит всем законам! — воскликнула Кэт. — Мы учили, что магия энтропии требует жертвы, убивая что-то в резервуаре, но не напрямую!

— Значит, он нашёл то, о чём мы не знали, — сказал Корвус. — Или что-то, о чём нам не говорили.

— А что это за «подарок»? — спросил Сетт, и я услышал, как напрягся его голос. — То, о чём он говорил. Он сказал Элиоту: «свой подарок я дал тебе раньше». О чём это?

Повисла пауза. Корвус бросил быстрый взгляд на отца и промолчал.

— Я объясню позже, — сказал отец, не оборачиваясь. — Когда Гвэндолин будет в безопасности.

— Нет, — сказал я, и мой голос прозвучал громче, чем я ожидал. — Ты объяснишь сейчас. Или больше никогда не называй меня сыном.

Отец остановился. Медленно обернулся. На его лице я не видел гнева — только усталость, которая была глубже, чем всё, что я видел раньше.

— Хорошо, — сказал он. — Когда мы дойдём. Не сейчас.

Я хотел возразить, но в этот момент матушка застонала у меня на руках, и я прикусил язык.

Мария опустила взгляд на матушку. Сетт, морщась от боли, подошёл к Кэт и тронул за локоть здоровой рукой. Впереди уже показались очертания поместья Эвереттов, и над кроной дуба — зелёной, живой, вечной — разливалось слабое сиреневое свечение. Защитные чары активировались. Дуб знал, что мы идём. И дуб готовился.

Перебирая в голове всё, что случилось в галерее, я пытался сложить воедино обрывки фраз. Елена. Жена Лукаса. Матушка предлагала себя. Отец знал. Корвус знал. Все они знали что-то, чего не знал я. И пока я нёс матушку к дубу, прижимая её слабеющее тело к груди, я дал себе слово: сегодня я получу ответы. Хватит лжи. Хватит молчания. Но сначала — спасти её. А потом — разобраться с тем, кто посмел ранить мою семью.

Глава 5. Пусть все горит!

Поместье встретило нас тишиной.

Не той уютной тишиной, к которой я привык с детства — когда дом дышит покоем, а слуги неслышно скользят по коридорам, — а другой. Звенящей. Натянутой, как тетива. Тишиной, которая бывает только перед грозой.

Дуб возвышался над двором, и его крона, всегда зелёная, сейчас отливала болезненным сиреневым свечением. Защитные чары работали на пределе. Я никогда не видел их такими — обычно они были почти незаметны, лёгкое мерцание на грани зрения. Теперь же каждый лист, каждая ветка пульсировали светом, и от этого дуб казался не деревом, а огромным маяком, посылающим сигнал в ночное небо. Нас ждали. Слуги высыпали во двор едва слышав скрип ворот. Грегори, наш однорукий повар, стоял впереди с засученным рукавом пустой правой половины, его лицо было серым от тревоги. Рядом с ним — горничные, конюх, двое мальчишек-посыльных, которых Мария нанимала для поручений. Все они смотрели на нас расширенными глазами, и в этих глазах читался один и тот же вопрос: «Что случилось с госпожой?»

Но я не мог ответить. Мои руки были заняты — я нёс матушку, и каждый шаг отдавался в груди глухим эхом. Она больше не говорила. Только дышала — слабо, прерывисто, с едва слышным хрипом. Кровь пропитала её платье насквозь и капала на гравий, оставляя за нами тёмный след.

— Сюда! — голос отца прозвучал резко, как удар хлыста. — Под дуб! Живо!

Мы уложили матушку прямо на траву, в нескольких шагах от массивного ствола. Корни дуба, выступавшие из земли, словно вены гигантского тела, мягко светились в такт пульсации листы. Отец опустился на колени рядом с ней, и я видел, как его плечи дрогнули — всего на мгновение, — прежде чем он снова взял себя в руки.

Сиреневое свечение дуба коснулось матушкиного лица, и её веки дрогнули. Она открыла глаза. Те самые чёрные глаза, которые достались мне. В них всё ещё жила Гвэндолин Эверетт — мэр столицы, женщина, управлявшая хаосом. Но теперь к этому добавилось что-то ещё. Усталость. Бесконечная, глубокая усталость.

Из дома выбежала Блэр.

Она была в ночной рубашке до пят. Её белокурые волосы растрепались, а иссякшие голубые глаза были полны ужаса. Увидев матушку на траве, она замерла на полпути, и её личико побелело.

— Мама! — крик разрезал тишину, и Блэр бросилась вперёд, упав на колени рядом с матушкой. Слёзы уже текли по её щекам, и она схватила матушкину руку, прижав её к своей груди. — Mamochka, что с тобой? Что случилось?

— Блэр, отойди, — я попытался мягко отстранить её, но она вцепилась в матушку с неожиданной для восьмилетнего ребёнка силой.

— Нет! Нет! Я не уйду! Мама, мамочка, пожалуйста...

— Мария, — голос отца был сух, как осенний лист. — Уведи её.

Мария шагнула вперёд и опустилась на колени перед Блэр. Она не стала дёргать её или приказывать. Она просто обняла девочку сзади, крепко, но бережно, и зашептала что-то на ухо — тихо, успокаивающе. Блэр всхлипывала, но не сопротивлялась, когда Мария подняла её на руки и понесла к дому. На полпути девочка обернулась через плечо, и её заплаканные глаза встретились с моими. В этом взгляде было всё: мольба, ужас, непонимание. Почему мама лежит на траве? Почему все такие странные? Почему никто ничего не объясняет?

Я отвернулся. Я не мог смотреть на неё.

На полпути Мария что-то сказала своим подчиненным и они все быстро засемили внутрь поместья.

Корвус стоял в стороне, прислонившись спиной к стене дома. Его рука была засунута в карман сюртука, и он, казалось, разглядывал что-то в ночном небе. Но я знал: он слушал. Каждое слово.

Я опустился на колени рядом с матушкой. Сетт и Кэт стояли поодаль, держась друг за друга. Сетт всё ещё прижимал к груди повреждённое запястье.

Отец заговорил. И его первые слова были не о матушке.

— Элиот, — произнёс он, и в его голосе звякнуло то, что я редко слышал, — сталь. — Ты должен был уйти. Ты должен был бежать, как только началось землетрясение. Ты знал, что это может быть он.

Я скинул голову. Что-то внутри меня сломалось. Усталость, страх, боль — всё это смешалось в один раскалённый ком, и я почувствовал, как кровь приливает к лицу.

— Я должен был бежать? — мой голос прозвучал громче, чем я ожидал. — Ты оставил меня! Ты ушёл из галереи, не сказав ни слова! Ты знал, что Лукас придёт, и ты просто исчез! А теперь ты говоришь мне, что я должен был бежать?!

— Я ушёл, чтобы остановить его до того как он доберётся до вас, — отец говорил ровным голосом, но в этом спокойствии было что-то страшное. — Корвус и я... мы... не успели

#Ты бросил матушку! Ты бросил нас всех! И ты даже не предупредил! Ты никогда ничего не говоришь! Никогда!

— Элиот...

— Нет! — я вскочил на ноги. — Ты тринадцать лет лгал мне! Ты сказал мне, что внутри меня спит смерть! Ты заставил меня бояться каждого движения, каждого вздоха, каждой мысли о магии! А сегодня ты позволил мне встретиться с человеком, который это создал! Ты знал, что «зерно» отзовётся, и ты ничего мне не сказал! Ты просто стоял и смотрел! Как всегда!

Отец поднялся. Медленно. Его лицо было бледным, а в глазах — та самая ярость, которую я видел утром. Но теперь она была направлена на меня.

— Ты хочешь знать правду? — спросил он. — Ты действительно хочешь знать, почему я не позволял тебе касаться магии?

— Сайлас! — голос матушки рассёк воздух, как лезвие. Она с трудом приподнялась на локте, и её лицо исказилось от боли. — Хватит. Вы оба. Хватит.

Отец замер. Я замер. Даже дуб, казалось, на мгновение притих.

— Вы стоите надо мной, — прошептала матушка, и в её голосе была та самая властность, которая управляла столицей, — и ссоритесь, как два мальчишки. Сайлас, он твой сын. Элиот, он твой отец. Прекратите. Сейчас же.

Я опустился обратно на колени. Гнев всё ещё кипел внутри, но теперь к нему примешивался стыд.

— Хорошо, — произнёс отец, и его голос дрогнул. Он сел на траву рядом с матушкой и взял её за руку. — Я расскажу. Ты хочешь знать о Елене. Слушай.

Он замолчал на несколько секунд, собираясь с мыслями. Молнии на горизонте осветили его лицо, и я увидел, как глубоко впали его глаза и как сильно он постарел за этот день.

— Это случилось пятнадцать лет назад, — начал он. — Мы с ним были... не друзьями, но товарищами. Я уважал его. Он был лучшим из нас. И у него была жена — Елена. Она была магом. Хорошим магом. И она верила в него так, как никто другой.

Он снова замолчал. Матушка сжала его руку.

— Восстание сект, — продолжил отец. — Группа радикалов, оккультистов, решила захватить старый храм за городом. Они думали, что там скрыт источник древней силы. Мы получили приказ: подавить восстание. Мой отряд и отряд Елены. Мы должны были атаковать вместе, но... — его голос сорвался. — Их поймали в ловушку. Я не знал. Я принял решение отступить, перегруппироваться. Я думал, что успею. Я не успел.

Он замолчал. Молнии сверкнули ближе, и через несколько секунд донёсся глухой раскат грома.

— Её отряд был уничтожен, — произнёс отец. — Елену взяли в плен. Они... они сделали с ней что-то. Что-то, чего я до сих пор не понимаю. Когда Лукас узнал, он пошёл за ней один. Он нашёл её. Но было поздно. Она была уже не собой. И он... он убил её. Своими руками. Потому что это был единственный способ освободить её.

Я молчал. Воздух стал тяжёлым, как перед грозой — впрочем, гроза действительно надвигалась. Где-то вдалеке сверкнула ещё одна молния, осветив на мгновение крону дуба.

— Лукас возненавидел меня, — сказал отец. — Он считал, что я предал его. Что я мог спасти её, но решил не рисковать. Может быть, он был прав. Я до сих пор не знаю. Я виню себя в этом каждую ночь. Каждую ночь, Элиот.

— Ты был солдатом, — тихо произнесла матушка. — Ты принял решение, которое спасло твой отряд. Это не было трусостью. Это была стратегия.

— Стратегия, — отец горько усмехнулся. — От этого слова меня тошнит.

Матушка перевела взгляд на меня.

— Я тоже была на там, — сказала она, и её голос стал чуть крепче. — Я знаю, ты не думал обо мне как о воине, но я не всегда была мэром. Когда-то я носила не шёлк, а кольчугу. Сайлас и я прошли через всё это вместе. Я была с ним, когда он принял то решение. И я поддержала его. Потому что это было правильное решение. Иногда правильное решение — это то, от которого тебя тошнит всю оставшуюся жизнь.

Она замолчала, переводя дыхание. Каждое слово давалось ей с трудом.

— Лукас не смог простить, — продолжила она. — И я понимаю его. Если бы кто-то отнял у меня Сайласа, я бы, наверное, тоже не смогла простить. Поэтому, когда он похитил тебя, мы знали, что это месть. Но он пошёл дальше. Он решил сделать тебя частью своего плана.

Я смотрел на неё, и внутри меня всё переворачивалось. Мои родители — оба — были солдатами. Мой отец нёс вину за смерть жены своего друга. Моя мать, умирающая сейчас у меня на глазах, когда-то носила кольчугу. И всё это время они молчали. Защищая меня.

— А «зерно»? — спросил я, и мой голос был хриплым. — Ты обещал рассказать.

Отец поднял на меня глаза.

— Ты не умрёшь, если будешь пользоваться магией, — сказал он. — Я солгал тебе. Прости меня. Я солгал, чтобы защитить тебя.

Я почувствовал, как земля уходит из-под ног. Все эти годы. Все эти годы я жил в страхе, что одно неверное движение, одно случайное заклинание убьёт меня. И всё это было ложью?

— «Зерно» — это резервуар, — продолжил отец. — Часть силы Лукаса, запертая в тебе. Она не убьёт тебя. Но она связана с ним. Если ты начнёшь использовать магию, твоя сила будет очернена его намерениями. Ты не станешь злым, нет. Но каждое заклинание будет нести отпечаток его воли. И это может быть опасно для всех, кто рядом с тобой.

— Очернена? — переспросил я. — Что это значит?

Корвус, стоявший у стены, резко выпрямился. Его лицо дёрнулось — он явно хотел что-то сказать, но сдержал себя. Отец метнул на Корвуса быстрый взгляд — острый, как лезвие. Корвус встретил его спокойно. Я видел, что между ними происходит безмолвный разговор. Корвус явно хотел что-то сказать. Но он промолчал, лишь едва заметно покачав головой и отведя взгляд.

Матушка перевела дыхание и заговорила снова. Её голос слабел, но в нём всё ещё был металл.

— Сайлас, — произнесла она. — Город. Жители. Ты должен...

— Я останусь здесь, — перебил её отец. — Я должен защитить семью.

— Сайлас...

— Гвэндолин, я не оставлю тебя. И я не оставлю Элиота.

— Городом займусь я.

Все обернулись к Корвусу. Он отлепился от стены и сделал шаг вперёд. Его мышинный куртку был помят, пенсне всё так же болталось на шнурке у груди, но теперь в этом человеке, похожем на старого библиотекаря, чувствовалась какая-то новая, неожиданная сила.

— Я выведу гвардию на улицы, — сказал он. — Организую эвакуацию из центра. Лукасу нет дела до города — ему нужен Элиот. Но пока он идёт сюда, люди могут пострадать от огня и паники. Я займусь ими. А ты, — он посмотрел на отца, — нужен здесь. Твоя семья нуждается в тебе. Защищай их.

Отец несколько секунд смотрел на него. Потом кивнул — коротко, почти незаметно.

— Спасибо, Корвус.

— С тебя бочонок эля, когда это все кончится. — Корвус развернулся и, не прощаясь, зашагал к воротам. Его фигура быстро растворилась в темноте, и только слабый хруст гравия под ногами ещё несколько секунд напоминал о его присутствии.

Я повернулся к Сетту и Кэт.

— Вы должны идти, — сказал я. — Ваши семьи. Вы нужны им.

Кэт покачала головой.

— Наш район за восточными воротами, — сказала она тихо. — Лукас идёт с запада. Мои родители в безопасности. Им ничего не угрожает.

— Мои предки — солдаты в четвёртом поколении, — добавил Сетт, и его голос был неожиданно твёрд для человека, у которого, кажется, было сломано запястье. — Они справятся. А мы нужны здесь.

— Вы не понимаете, — начал я, но Кэт перебила меня:

— Это ты не понимаешь, Элиот Эверетт, — сказала она, и в её дымных глазах сверкнуло что-то, что я никогда раньше не видел. — Ты — наш близкий. Понимаешь? Ты. И если ты думаешь, что мы бросим тебя сейчас, то ты полный придурок.

Я открыл рот, но не нашёл слов.

Небо над нами разорвала молния. Не обычная — такая, что всё вокруг на секунду стало белым. Гром ударил почти мгновенно, и я почувствовал, как земля содрогнулась. Защитные чары дуба вспыхнули ярче, отражая удар. Дождь не начинался. Только молнии и гром. Одна за другой, всё ближе и ближе. Будто сама природа готовилась к битве.

Матушка сжала мою руку. Её пальцы были ледяными.

— Элиот, — прошептала она. — Подойди ближе.

Я склонился над ней. Её лицо было белым как мел, но глаза — те самые глаза, которые она передала мне, — горели прежним огнём.

— Ты был прав, — сказала она. — Когда сказал, что искусство — это тоже магия. Я всегда гордилась тобой. Даже когда молчала. Особенно когда молчала.

— Матушка...

— Дай мне договорить, — она слабо улыбнулась. — У меня не так много времени. Ты станешь сильным. Сильнее, чем кто-либо из нас. Я знаю это. Я всегда знала. Когда ты рисовал свои картины, когда ты часами сидел под дубом, когда ты спорил со мной о божественном вмешательстве — я смотрела на тебя и знала: ты станешь сильным.

Её дыхание стало прерывистым. Она перевела взгляд на отца.

— Сайлас... Позаботься о них. Обо всех.

Отец сжал её руку. Его лицо было мокрым от слёз — я никогда, никогда не видел, чтобы мой отец плакал. Но сейчас он плакал, беззвучно, не скрываясь.

— Обещаю, — произнёс он одними губами.

— Блэр... — прошептала матушка, и её голос стал почти неслышным. — Скажите Блэр... что я любила её. Больше всего на свете. Элиот... ты мой первенец. Моя гордость. Мой свет. Не дай тьме поглотить тебя. Что бы ни случилось... помни, кто ты.

— Я помню, — сказал я, и слёзы потекли по моим щекам. — Я помню.

И Гвэндолин Эверетт, мэр столицы Солстейна, женщина, которая управляла хаосом, закрыла свои чёрные глаза и больше не открыла их. Сиреневое свечение дуба дрогнуло и медленно, почти неохотно, погасло вокруг неё. Дуб принял её душу, но не смог удержать её тело. Я сидел на траве, держа матушку за руку, и не мог пошевелиться. Где-то справа от меня Кэт отвернулась и прижалась лицом к плечу Сетта. Сетт стоял с каменным лицом, но по его щекам текли слёзы.

Отец поднялся. Он подошёл к матушке, наклонился и поцеловал её в губы — долгим, медленным поцелуем, который говорил больше, чем любые слова. Потому что слов больше не было. А потом он выпрямился, и я увидел, как что-то в нём переменялось. Скорбь отступила. На её место пришла холодная, спокойная, смертельная решимость.

— В дом, — сказал он. — Все. Сейчас...

Но он не успел договорить. На горизонте, там, где находился центр города, вспыхнуло оранжевое зарево. Огонь. Он расползлся быстро — слишком быстро, чтобы быть обычным пожаром. Языки пламени вздымались над крышами, и даже отсюда, с расстояния в несколько кварталов, я чувствовал жар. Лукас шёл к нам. И он не собирался скрываться.

— Слишком поздно, — прошептал Сетт.

Ворота поместья содрогнулись.

Они не распахнулись — они просто перестали существовать. Дерево и металл разлетелись в стороны, и в проёме появился он. Лукас Самберс. Он был всё так же хорош собой — тот же высокий лоб, та же твёрдая линия челюсти, те же тёмные волосы до плеч. Его глаза горели сиреневым огнём, и от этого пламени исходил холод — жуткий, неестественный холод, пробирающий до костей. Он смотрел на нас, и на его губах играла всё та же тонкая, почти сочувствующая улыбка. За его спиной стояли двое. Женщина — та самая, с выжженным на лбу символом спирали. Теперь, без капюшона, она выглядела ещё более жутко: чёрные волосы были собраны в тугий пучок, а её глаза — тёмные, почти безумные — перебежали с одного из нас на другого с лихорадочным, голодным блеском. Её губы кривились в усмешке, и она слегка раскачивалась с носка на пятку, будто предвкушала что-то невероятно приятное.

Мужчина был её противоположностью. Он стоял неподвижно, как статуя, сжимая в руках тот самый жезл с тускло светящимся навершием. Его лицо было спокойным, почти безмятежным, а глаза смотрели на Лукаса с выражением, которое я не мог не узнать: это было обожание. Слепое, безоговорочное, абсолютное. Так смотрят на божество.

Лукас сделал несколько шагов вперёд. Его взгляд скользнул по дубу, по слугам, по нам, и остановился на матушке, лежащей на траве. Улыбка исчезла.

— Гвэндолин, — произнёс он. И в его голосе было что-то, чего я не ожидал. Сожаление. Настоящее, искреннее сожаление.

— Она мертва, — сказал отец, и его голос сочился ядом. — Ты доволен?

— Я никогда не хотел её смерти, — ответил Лукас. — Она была достойным противником. И женщиной, которую я уважал. Я скорблю о ней.

— Ты убил её, — сказал я, и мой голос дрожал от ярости. — Ты вонзил в нее кинжал.

— Технически, — вмешалась женщина за его спиной, и её голос был высоким, почти истеричным, с каким-то детским восторгом, — кинжал был её собственный. Так что это была скорее самозащита. Или неудачный выпад. Или...

— Довольно, Верна, — оборвал её Лукас, и та замолчала, хотя улыбка с её лица не исчезла. — Я пришёл не для того, чтобы спорить о деталях.

Он посмотрел на меня.

— Элиот, — сказал он мягко, почти ласково. — Ты знаешь, что это неизбежно. Пойдём со мной. По доброй воле. И я обещаю, что никто больше не пострадает. Твои друзья, твоя сестра, твой отец — все они останутся живы. Тебе нужно только сделать шаг вперёд.

— Он пойдёт с тобой только через мой труп, — сказал отец.

Лукас перевёл взгляд на него. Улыбка вернулась.

— Я рассчитывал на это, Сайлас.

— Во имя Грядущего Порядка, — внезапно заговорил мужчина с жезлом, и его голос был низким, рокочущим, как далёкий гром, — я свидетельствую: этот человек — бог. Он пришёл, чтобы изменить мир. Соппротивление бесполезно. Смирение — единственный путь.

— О, ради всего святого, Дорон, — Верна закатила глаза, — ты снова начинаешь? Мы пришли не проповедовать, а забирать мальчишку.

— Слова — это тоже оружие, Верна. Истина, явленная в слове, пронзает крепче стали.

— Ваши слова, — отец шагнул вперёд, и в его руках начало разгораться алое пламя, — не стоят и выеденного яйца. Вы пришли в дом, где только что умерла женщина, которую я любил. Вы угрожаете моей семье. Вы не получите ничего.

— Всем в дом! — рявкнул он через плечо. — Я сдержу их!

Но никто не двинулся с места.

Кэт вышла вперёд и встала рядом с отцом. Её пальцы уже плели заклинание, и воздух вокруг неё дрожал.

Сетт шагнул следом, разминая здоровое плечо. Его правая рука безвольно висела вдоль тела, но в глазах горела знакомая решимость бойца. Даже я — я, который ни дня в своей жизни не дрался, — сделал шаг вперёд. В моей руке был один из кинжалов матушки. Тот самый, которым Лукас убил её. Рукоятка всё ещё была тёплой от её пальцев, и я сжал её так, что побелели костяшки.

Лукас посмотрел на меня, на кинжал в моей руке, и улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Бой — это честно. Дорон, Верна — они ваши. Мальчишку не трогать.

Женщина с символом на лбу — Верна — шагнула вперёд. Её руки поднялись, и вокруг них начали собираться капли воды. Сначала маленькие, почти незаметные, потом всё больше и больше, они сливались в струи, оплетая её запястья, как живые браслеты.

— Вода, — прошептала она с тем же истеричным восторгом. — Вода — это жизнь. И смерть. И удушье. О, я так давно не душила никого водой. Можно мне девчонку? Пожалуйста?

Дорон, её напарник, встал рядом. Его жезл засветился ярче, и вокруг него начали формироваться полупрозрачные щиты — многослойные, переливающиеся, похожие на янтарные соты.

— Во имя Грядущего Порядка, — пробасил он, — я буду вашим защитником и вашей стеной. Никто не пройдёт.

Лукас отступил на шаг, прислонившись спиной к уцелевшему столбу ворот, и скрестил руки на груди. Он наблюдал. Просто наблюдал за тем, как разворачивается бой, и в его сиреневых глазах горел холодный, исследовательский интерес. Лукас взмахнул рукой — легко, почти небрежно, — и защитный купол дуба дрогнул. Сиреневое свечение на мгновение вспыхнуло ярче, а потом в нём появилась трещина. Лукас раздвинул края этой трещины пальцами, будто разрывал ткань, и купол расступился. Дорон и Верна вошли внутрь. А с ними вошла смерть.

Верна атаковала первой. Её водяные струи выстрелили вперёд, как змеи, и одна из них обвилась вокруг ноги Кэт, дёргая её на землю. Кэт вскрикнула, но не упала — она успела выставить руку и выбросить ответное заклинание, поток искр, который рассёк водяной хлыст пополам. Верна засмеялась — высоким, безумным смехом, — и создала новые, ещё больше, ещё быстрее. Сетт бросился на Дорона. Он бил одной рукой, но каждый удар был тяжёл, как молот. Его кулак врезался в янтарный щит, и тот покрылся трещинами. Дорон покачнулся, но выстоял, и его жезл вспыхнул новым светом, восстанавливая барьер.

— Ты силен, воин, но сила без веры — ничто, — произнёс Дорон.

— А вера без мозгов — глупость, — прорычал Сетт и ударил снова.

Отец атаковал обоих сразу. Его огонь струился по земле, поджигая траву вокруг припешников Лукаса, вынуждая их разделиться. Верна взвизгнула от восторга, уворачиваясь от языков пламени. Дорон воздвиг новые щиты, и теперь они были огненными — он впитал стихию отца и использовал её против нас. Я стоял с кинжалом в руке, не зная, что делать. Я никогда не был солдатом. Я никогда не дрался. Я мог только смотреть, как мои друзья, мой отец, люди, которых я любил, сражаются и умирают за меня. Кэт упала. Верна добралась до неё — водяная петля сомкнулась вокруг горла Кэт, и та захрипела, царапая землю пальцами. Сетт бросился к ней, отвлёкся — и Дорон тут же воспользовался этим, ударив его щитом, как тараном. Сетт отлетел на несколько метров и рухнул на землю. Он попытался подняться, но его тело дрожало от напряжения, а изо рта текла кровь.

— Сетт! — Кэт, освободившись от водяной петли, бросила заклинание в Верну, но та легко увернулась и ответила градом ледяных игл, которые вонзились Кэт в плечо и бедро. Она вскрикнула и упала.

Отец держался. Он сражался с обоими, и его огонь был яростен, но Верна и Дорон были мастерами. Они работали в паре: Дорон защищал Верну, пока та атаковала. И в какой-то момент Дорон сменил тактику — он создал барьер не перед собой, а вокруг отца, запирая его в янтарной клетке. Отец взревел, ударил по стенам огнём, но барьер держался. Тогда он обратился ко мне.

— Элиот! — его голос прорвался сквозь шум боя. — Бери Блэр и уходи! Сейчас!

— Я не оставлю вас! — крикнул я.

— Ты не воин! Ты художник! Ты слаб и бесполезен в этом бою! — слова отца ударили наотмашь, и я дёрнулся, как от пощёчины. — Ты всё испортишь! Ты погубишь всех! Уходи, Элиот! Уходи и никогда...

Он не успел договорить. Лукас оттолкнулся от столба и медленно, почти лениво двинулся вперёд. Его глаза больше не смотрели на бой Верны и Дорона. Они смотрели только на отца.

— Ты пытаешься спасти его, Сайлас, — произнёс Лукас. — Даже сейчас. Даже зная, что это бесполезно.

— Я пытаюсь дать ему шанс.

— Шанс на что? На жизнь в страхе? На жизнь в бегах? Ты не спасал его, Сайлас. Ты держал его в клетке. Всю его жизнь. Я предлагаю ему свободу.

— Ты предлагаешь ему гибель.

— Свобода и гибель часто идут рука об руку.

Лукас сделал ещё шаг. И ещё. Отец вырвался из ослабевшего барьера и как дикий зверь мощным пламенем, которое на миг, как мне показалось, обратилось в трех львов набросилось на противников. Дорон и Верна как детские игрушки разлетелись от удара львов в разные стороны, оставшись лежать без движения. Отец, видя, что его дети в опасности, вложил в этот удар всю свою ярость и силу — такую, которую не мог использовать, пока боялся задеть нас. Лукас же просто отмахнулся от пламенного зверя и тот развеялся. Отец встал между мной и Лукасом. Его руки полыхали огнём.

— Тогда иди через меня, — сказал он. — Как и обещал.

Лукас улыбнулся. А потом он атаковал. Бой между Лукасом и отцом был не похож на всё, что я видел раньше. Это была не схватка двух людей. Это была битва стихий. Алое и сиреневое сталкивались в воздухе, и от каждого удара земля содрогалась. Молнии на небе били всё ближе, будто природа сама реагировала на происходящее. Я медленно пятился к дому. Не потому, что хотел — ноги сами несли меня назад, подчиняясь древнему инстинкту самосохранения. Я видел, как отец дерётся с Лукасом, и понимал — с леденящей, тошнотворной ясностью, — что он проигрывает. Лукас был быстрее. Сильнее. Его сиреневый огонь пробивал оборону отца, и тот отступал, шаг за шагом, оставляя за собой выжженную землю. Сетт попытался подняться, чтобы помочь. Лукас, не глядя, взмахнул рукой, и Сетта отшвырнуло в сторону, как тряпичную

куклу. Его тело ударилось о каменную ограду и замерло. Кэт закричала и бросилась к нему, но Лукас снова взмахнул рукой и выпустил в ее сторону чёрную пыль — она упала, и я не видел, дышит ли она.

— Нет! — крик вырвался у меня.

Лукас и отец сошлись в последний раз. Алое пламя встретилось с сиреневым, и на мгновение мир стал белым и в этот момент семейное дерево позади меня вспыхнуло. Я слышал треск древесины. А потом всё закончилось. Лукас выбросил руку вперёд — не для заклинания, а для простого, грубого удара, — и его пальцы вошли в грудь отца. Я услышал хруст костей. Увидел, как отец замер на месте, его голубые глаза расширились от боли и удивления. А потом Лукас выдернул руку обратно, и в его ладони было сердце отца. Кровь капала на траву, медленно, ритмично, как последние удары часов. Отец рухнул на землю. Мой отец. Сайлас Эверетт. Он лежал на траве под семейным дубом, и его голубые глаза, которые этим утром смотрели на меня с тревогой и яростью, теперь смотрели в небо и не видели ничего. Я закричал.

Это был не крик ужаса. Не крик боли. Это был вопль — долгий, разрывающий горло, вырывающийся из самой глубины моего существа. Я упал на колени. Мои руки дрожали. Кинжал матушки выпал из пальцев и звякнул о камень. Лукас отбросил сердце в сторону, как ненужную вещь. Его пальцы были покрыты кровью, но он, казалось, не замечал этого. Он смотрел на меня.

— Элиот, — произнёс он, и его голос был мягким. Почти нежным. — Посмотри на меня.

Я поднял глаза. Я не мог не поднять. Всё вокруг — горящее семейное дерево, тела моих друзей, тело отца, тело матери, лежащей под дубом, — всё это расплывалось, теряло очертания. Оставались только его глаза — сиреневые, светящиеся, затягивающие в себя.

— Ты потерял всё, — сказал Лукас. — Я знаю, каково это. Я тоже потерял всё. Жену. Друзей. Будущее. И знаешь, что я понял? Потеря — это не конец. Это начало. Ты думаешь, что мир жесток? Он жесток. Ты думаешь, что жизнь несправедлива? Она несправедлива. Но сила — сила меняет всё. Сила даёт тебе возможность изменить правила. И у тебя есть сила, Элиот. Она внутри тебя. Я дал её тебе.

— Зачем? — мой голос был чужим. — Зачем ты это сделал?

Лукас присел на корточки передо мной. Его лицо было почти на уровне моего. От него пахло чем-то странным — не кровью, не гарью, а чем-то древним. Как от старых книг. Как от земли после дождя. Как от дуба, под которым мы сидели.

— Потому что мир должен измениться, — сказал он. — Магия — это дар, который принадлежит немногим. И эти немногие используют её, чтобы удерживать власть. Твой отец был одним из них. Коллегия магов — это тюрьма, Элиот. Они запирают силу внутри своих стен и раздают её по крохам тем, кого считают достойными. А я хочу, чтобы магия была у каждого. У каждого человека в этом мире. Не важно, беден он или богат, знатен или безроден. Каждый должен иметь возможность повелевать стихиями, исцелять раны, создавать жизнь.

Он замолчал, и в его глазах на мгновение мелькнуло что-то человеческое.

— Представь себе мир, где никто не умирает от болезней. Где каждый может защитить себя. Где нет голода, потому что магия помогает выращивать урожай. Где нет войн, потому что все равны. Это возможно, Элиот. Я посвятил этому свою жизнь. И ты можешь помочь мне. Ты — ключ. Твоё тело — первый успешный сосуд, который смог принять магию другого человека. Если мы поймём, как это работает, мы сможем передавать силу дальше. Мы сможем создать новый мир.

Я слушал его, и где-то в глубине моего сознания что-то отзывалось на его слова. Не согласие. Нет. Но понимание. Он не был безумцем. Он не был чудовищем, которое разрушает ради разрушения. Он верил в то, что говорил. И от этого было только страшнее.

— Ты убил их, — прошептал я. — Ты убил мою мать. Ты убил моего отца. Ты убил моих друзей. Во что бы ты ни верил, ты сделал это.

— Да, — согласился Лукас. — И я сожалею об этом. Но иногда, чтобы создать новое, нужно разрушить старое. Твой отец был частью старого мира. Он не принял бы перемен. Он сражался бы с ними до конца. Я уважал его, но он выбрал свой путь. Теперь выбери свой.

Он поднялся и протянул мне руку. Его ладонь — всё ещё в крови моего отца — была открыта и ждала.

— Пойдём со мной, Элиот. Не как пленник. Как ученик. Как наследник. Вместе мы сможем всё.

Я смотрел на его руку. На кровь, которая засыхала на его пальцах коркой, будто он натянул перчатку из моего отца. На сиреневый свет, который всё ещё пульсировал в его глазах. И я не знал, что делать. Часть меня — та часть, которая была сломлена, раздавлена, уничтожена, — хотела просто взять эту руку. Сдаться. Прекратить борьбу. Но другая часть...

— Прочь от него.

Голос Марии разорвал тишину. Я обернулся и увидел её. Мария, наша служанка, женщина с пышной фигурой и ореховыми глазами, стояла в десяти шагах от нас. Но что-то в ней изменилось. Воздух вокруг неё дрожал. Земля под её ногами покрывалась трещинами. А из её ладоней поднимались тёмные, почти чёрные струи силы, похожие на ожившие тени.

Лукас замер. Его рука, протянутая ко мне, медленно опустилась. Он смотрел на Марию, и в его глазах — впервые за всё время — мелькнуло что-то похожее на удивление.

— Не может быть, так все это время второй маг энтропист была ты? — произнёс он.

— Может, — ответила Мария. — Ты же не мог поверить, что это всегда были лишь слухи?

Она выбросила руку вперёд, и невидимый барьер разделил пространство между Лукасом и мной. Лукаса отшвырнуло назад, как от удара гигантского молота. Он пролетел несколько метров и рухнул на землю, но тут же вскочил, отряхиваясь.

— Я не знал, что ты всё ещё жива, — сказал он, и в его голосе звучало искреннее изумление. — Я думал, ты погибла много лет назад.

— Многие так думали. Это было удобно. Никто не обращает внимания на женщин, хранящих очаг.

— Элиот, — она повернулась ко мне, и её голос стал мягче, хотя и не потерял твёрдости. — Забери Блэр и бегите. Я задержу его.

— Но... — я смотрел на неё и не мог связать двух мыслей. Мария. Наша Мария. Которая каждое утро распахивала окна и кричала на меня за то, что я поздно встаю. Которая оттаскала меня за уши перед всей семьёй. Которая молилась за мой успех. Энтропист? Всё это время?

— Нет времени объяснять, мистер Эверетт, — сказала она, и в её голосе на мгновение мелькнула та самая ворчливая служанка, которую я знал с детства. А потом она повернулась к Лукасу.

— Этот мир не видел битву двух энтропистов уже больше двухсот лет, — произнёс Лукас, и его губы растянулись в улыбке. — Я рад быть частью истории.

— Ей ты и останешься, лишь историей, — ответила Мария.

И она атаковала.

Битва двух энтропистов была за пределами всего, что я мог вообразить. Тени и сиреневый огонь сталкивались в воздухе, и пространство вокруг них искажалось. Трава под их ногами то чернела и умирала, то снова зеленела и расцветала — магия жизни и смерти сменяла друг друга с каждым ударом. Мария держала дистанцию. Она отступала, уклонялась, выставляла барьеры — и при этом постоянно оглядывалась на меня, следя за тем, чтобы Лукас не прорвался ко мне. Лукас заметил это. И улыбнулся.

— Ты уязвима, Мария, — сказал он. — Не потому, что слаба. А потому, что тебе есть что терять.

Он бросил заклинание в мою сторону — не сильное, просто отвлекающее, — и Мария инстинктивно повернулась, чтобы отразить его. В этот момент Лукас ударил по-настоящему.

Он материализовал в воздухе огромную каменную глыбу и швырнул в неё, отшвырнув на несколько шагов. Она упала на одно колено. Из уголка её рта потекла кровь.

— Мария! — я бросился к ней.

— Не подходи! — она подняла руку, и невидимая стена остановила меня на полпути. —

Беги, Элиот. Беги, прошу тебя.

— Я не оставлю тебя!

— Ты не можешь помочь мне здесь. Я учила тебя быть человеком, а не магом. И я ни о чём не жалею. Но сейчас ты должен уйти.

Она поднялась. Её ореховые глаза встретились с моими, и я увидел в них всё. Всю её любовь. Всю её жертву. Всю её жизнь, которую она посвятила служению нашей семье. Всю правду, которую она скрывала.

— Я не могу, — прошептал я.

— Это не просьба, мистер Эверетт. Это приказ.

Мария повернулась к Лукасу. Он ждал. Он дал нам эти несколько секунд — из уважения или из жестокости, я не знал. Но теперь он снова двинулся вперёд, и его сиреневые глаза горели предвкушением. Битва возобновилась. Мария сражалась с яростью, которую я никогда в ней не видел. Она была сильна. Возможно, даже сильнее Лукаса. Но Лукас был не один — Верна и Дорон, оправившись от схватки с отцом, снова встали в строй, и хотя они не вмешивались, их присутствие давило на Марию, заставляя её оглядываться, отвлекаться. Она отразила три его атаки подряд. Четвёртую — пропустила. Сиреневый луч пронзил её плечо, и она вскрикнула — впервые за весь бой. Затем второй удар — в грудь. Она отшатнулась, но не упала. Третий удар достиг цели — сиреневый луч прошёл сквозь её защиту и вонзился в грудь. Мария пошатнулась. Её рука прижалась к ране, и я увидел, как тёмная кровь пропитывает её серое платье. Но она не упала.

— Элиот, — прошептала она, и её голос был так слаб, что я едва расслышал его. — Беги.

Она рухнула на колени. Лукас стоял над ней, тяжело дыша. Его лицо было рассечено, одежда — разорвана. Он был ранен. Серьёзно ранен. Но он победил.

— Достоинно, — произнёс он, глядя на Марию. — Очень достойно. Я надеялся, что когда-нибудь встречу равного противника. Жаль, что это случилось так.

Он повернулся ко мне. Мария лежала на земле. Отец лежал на земле. Матушка лежала на земле. Сетт и Кэт не двигались. Всё, что я любил, было разрушено. И тогда я перестал бояться. Потому что страху больше не было места. Осталась только пустота. И в этой пустоте что-то проснулось. «Зерно» на моей груди вспыхнуло жаром — не мучительным, как раньше, а требовательным. Настойчивым. Оно ждало этого момента пятнадцать лет. Я поднял руки. Разжал кулаки. Направил ладони в сторону Лукаса.

— Элиот, — произнёс он, и его голос дрогнул. — Не делай глупостей. Ты не знаешь, как это контролировать.

— Я знаю главное. Магия — это намерение, — сказал я. — А моё намерение сейчас...

Я закричал. Это был не крик ужаса. Не крик боли. Это был крик освобождения. Из моих ладоней вырвался свет. Не сиреневый, как у Лукаса, и не тёмный, как у Марии. Он был серебристым — чистым, ослепительным, всепоглощающим. Серебристый свет заполнил двор, и мир исчез. Когда он погас, Лукаса больше не было. Верна и Дорон исчезли вместе с ним. На том месте, где они стояли, остался только выжженный круг на траве — и больше ничего. Я стоял, вытянув руки вперёд, и не мог опустить их. Мои ладони дымились. «Зерно» на груди пульсировало, но жар постепенно угасал, сменяясь холодной, звенящей пустотой. А потом мои колени подогнулись, и мир погрузился во тьму. Успокаивало меня только одно, дом остался цел, а значит, Блэр и все слуги в безопасности и только семейное древо горело, но ни один лист с него так и не упал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.